

ММ@

Содержание

- 4** Архиепископ Марк о жизни, Церкви и пастырстве
- 17** Миссионерская поездка на Чукотку
- 23** Миссионерская поездка
в Петропавловскую и Камчатскую епархию
- 25** Рекомендации по осуществлению миссионерской деятельности
в пенитенциарных учреждениях РФ
- 29** «...И чем оправдать эти годы?» Письмо в редакцию
- 31** Советское и постсоветское в современной церковной культуре:
образ пастыря, свидетельство, служение
- 37** Русская духовная традиция
и культура современной России

Архиепископ Марк о жизни, Церкви и пастырстве

24 марта 2011 года состоялась встреча архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка (Арндта) (Русская Православная Церковь за границей) со студентами Сретенской духовной семинарии, во время которой владыка ответил на вопросы учащихся.

– Владыка, расскажите, пожалуйста, немного о своей жизни и о том, как Вы пришли к вере.

– Я родился в самый разгар Второй мировой войны – в сорок первом году. Воспитывался в семье, которой вера не была чужда. Мой дедушка был пастором. Одно время он занимал должность министра

культуры, потом Гитлер выгнал его с работы. И дедушка обратился к пастырской деятельности. И мы с ним с самого раннего моего детства много говорили на духовные темы. Да и бабушка была, естественно, человеком верующим. А поскольку она плохо видела, мне приходилось в длинные зимние вечера читать ей книги, и книги, как правило, религиозной тематики, например по библейской археологии.

Прошли годы, я повзрослел и вынужден был покинуть Восточную Германию, так как был связан с участниками восстания 17 июня 1953 года. Оно было направлено против социалистического режима. Так я очутился в Западной Германии. И там, в силу обстоятельств, прежде всего потому, что я потерял все то, что мне было дорого, я на несколько лет отошел и от веры – не молился вообще. Это длилось с четырнадцати до восемнадцати лет.

Поступив в университет, уже на первом курсе я познакомился с русской эмигрантской молодежью, потому что хотел углубить, расширить свои знания русского языка, больше практиковаться. Так получилось, что я начал ходить с ними в храм: в субботу вечером, в воскресенье утром, на праздники... Ходил много лет, еще не будучи православным. И у меня, скажем так, возник порыв принять Православие, но я боялся реакции родственников и поэтому оттягивал этот момент. Но в двадцать лет я все-таки стал православным. А через двенадцать лет принял монашество.

Немало моему духовному развитию способствовало то, что я читал очень много произведений русской литературы, прежде всего Достоевского. Его творчество захватило меня во время моей военной службы. Надо признаться, что читать в армии я начал из-за гордыни, потому что не хотел утром мыться со всеми вместе: в умывальной всегда стоял такой шум, было так неприятно, а я очень чувствительный на звуки, и поэтому решил вставать на час раньше всех и посвящал это время не только умыванию, но и чтению. Удивительно, сколько можно за год прочесть и сколько можно почерпнуть из этого сил.

Потом, будучи преподавателем в университете, я одновременно учился заочно на богословском факультете в Белграде и использовал тот свой опыт для изучения еврейского языка. В дальнейшем, обучаясь в университете, я особенно заинтересовался древнерусской литературой. Без преувеличения могу сказать, что книгой, которая определила не только тематику моей докторской работы «Биографическая литература Тверского княжества XIV и XV веков», но дальнейшую жизнь, связанную

с христианством и монашеством, были творения Нила Сорского. И, конечно, не случайно, что для меня церковно-славянский язык, может быть, даже более близок, чем современный русский. По-церковнославянски написана вся духовная древнерусская литература. Этот язык богообщения наложил на меня, молодого ученого, самую благодатную печать и, безусловно, повлиял на мое духовное становление, на отношение к Церкви. Скажу еще раз: церковную жизнь я узнал намного раньше, чем стал православным.

– Менялось ли со временем Ваше восприятие социалистического строя, Советского Союза?

– Поскольку я сам познакомился с социалистической, советской властью с самого детства в Восточной Германии, то у меня было совершенно отрицательное отношение ко всему советскому. Здесь надо сказать, что у многих немцев доходило до того, что, например, консерваторский преподаватель музыки не ходил на концерты Ойстраха, когда тот приезжал, потому что не мог разграничить русское и советское. Для нас в то время это было одно и то же. Этому разграничению я научился много позже.

Только со временем я стал воспринимать разницу между народом, его богатейшей культурой, глубокой духовностью и государственным строем, который пытался ее уничтожить. Понял я это на собственном примере. Когда мне было пятнадцать лет, я, работая на пароходе, прибыл в Швецию, и там группа молодежи обозвала нас фашистами. А мои родители очень пострадали от гитлеровцев, и я, разумеется, не мог принять это именование.

Так постепенно я стал отличать русское от советского, хотя это было нелегко.

– Можно ли назвать фашизм религией?

– Это не религия. Это была идеология – очень сильная, разрушительная, но примитивная. И она была уничтожена. Хотя, к несчастью, и сейчас находятся люди, которые мечтают о восстановлении фашистской системы, но это безумие.

– Вам довелось не раз побывать на Афоне. Поделитесь Вашими впечатлениями от этих паломничеств.

– На Афон я впервые попал после того, как услышал интригующий, интересный рассказ от одного молодого человека – тогдашнего члена братства «Православное дело», которое охватывало все наши епархии, – от ныне покойного владыки Амвросия Женевского. И первое мое паломничество переросло в ежегодное, иногда даже двукратное посещение Афона, где я регулярно исповедовался, читал на клиросе, в общем, был активным участником русской монашеской жизни. Тогда там было два наших монастыря: ныне существующий Пантелеимонов монастырь, куда только начали принимать монахов из России, и Ильинский скит, в котором я бывал чаще. Он был связан с Зарубежной Церковью и не принимал никого из СССР. Впоследствии мы потеряли этот скит. По неразумию настоятеля. Скит стал греческим. И это для меня страшная рана, потому что я очень хотел туда поступить.

Так вот, когда я посещал Афон, то всегда делил свое время между тремя местами: Пантелеимоновым монастырем, Ильинским скитом и Карулией, где жили отшельники – двое русских (оба Серафимы) и один серб. Мы много общались друг с другом, поскольку сербский – мой второй славянский язык. Я получил немало духовных назиданий от этих отцов. Они наставляли меня в вопросах Иисусовой молитвы, которую я тогда творил более усердно, нежели теперь. К сожалению, внешние дела сильно отрывают от этого. Они жили на Афоне, на Карулии, с семнадцатого года и ни разу никуда не выезжали. В Ильинском скиту настоятелем был архимандрит, который вообще с 1902 года не покидал монастырь. Так что это была живая традиция, живое предание русского афонского монашества. И я благодарю Бога за то, что мне довелось познакомиться с этими старцами и прикоснуться к неисчерпаемому источнику русской духовной, церковной культуры. Для меня это бесценно.

В связи с моими афонскими паломничествами вспоминаются такие случаи.

Как-то я приехал на один приход, на праздник, и мне пришлось читать Евангелие. И после этого какая-то старушка сказала: «Наконец я услышала такое чтение Евангелия, как его читали наши отцы в Китае». Она явно говорила о старой русской традиции, и, слава Богу, поскольку я человек музыкальный, мне удалось ее перенять. И, прежде всего, потому, что я участвовал в монастырских богослужениях на Афоне.

Еще одна история. Я был знаком с насельником, который жил неподалеку от Ильинского скита, в лесу. Он был заражен ересью, которая распространялась на Афоне среди русских монахов в начале XX века, – имяславием. Вместе с тем он приходил каждое воскресенье в Ильинский скит. И однажды я пригласил его к трапезе: «Оставайтесь на обед после воскресной литургии». А он взял у нас большой мешок с картошкой. Я говорю: «Вы поедите – и вам легче будет нести этот мешок». Он говорит: «Нет, нет». И замялся. И мы его спросили по-простому: «А почему?» – «Тут слишком шумно». А нас всего-то было шесть человек. То есть шум весьма относительный. Но когда человек живет в пустыне, тогда шумно везде.

– Насколько изменилась жизнь Зарубежной Церкви после воссоединения?

– Изменилась, прежде всего, тем, что мы общаемся между собой. Да, на уровне личных контактов священнослужителей мы уже давно общаемся, но мы не могли вместе служить. Теперь это снято, и мы уже служим вместе в самых разных местах, можем помогать друг другу. Один священник едет в тюрьму или больницу, он может позвонить своему собрату и попросить подменить его, скажем, в приходской школе. Очень отрадно, что мы можем теперь участвовать в Архиерейских соборах. Не могу не сказать, что Зарубежная Церковь сейчас находится в евхаристическом общении со всеми Поместными Церквями, а раньше мы были отрезаны от них. Как видите, поменялось очень многое!

– Почему в Европе так мало православных монастырей?

– Потому что там живет мало православных людей. У нас есть монастыри, но

они скудные. При этом интересно, что монастыри в Европе есть только у Русской Церкви: ни у Сербской, ни у Болгарской, ни у Румынской, ни у Греческой Церквей вне этих стран обителей нет. Во многом это объясняется тем, что их представители приезжают в другие страны на время, на заработки. Особенно греки. А если кто-то из них захочет поступить в монастырь, он делает это на своей родине.

В Германии есть один мужской монастырь. Он основан в 1945 году, когда наши иноки переселились сюда из Восточной Словакии. Это были почаевские монахи, которые после 1918 года попали туда, а потом, в сорок пятом, бежали от Красной армии в Мюнхен. Большею частью они впоследствии переехали в Америку, а у нас остался очень маленький монастырь. Есть и женская обитель, которую мы только недавно открыли. Раньше я отказывался от того, чтобы принимать женщин в монастырь. Посылал их на Святую землю, а теперь я принял такую группу, и, слава Богу, они подвизаются.

– Вы часто бываете на Святой земле, кормите монахинь, подвизающихся там. Как бы Вы охарактеризовали ситуацию, которая сложилась в настоящее время на Святой земле?

– На Святой земле наша жизнь всегда была трудной, потому что мы находимся между всеми огнями. Вообще христианское население Палестины уменьшается постоянно. Наши монахини ведут там школу для арабских девочек – в ней когда-то учились только христианки. Но теперь их всего двадцать пять, остальные ученицы – мусульманки, которые, однако, ходят в форме с крестиком на груди. Это достижение наших монахинь.

Христиане всегда подвергаются опасности, в любом месте; выходить из монастыря опасно, даже находиться в нем опасно. Бывают такие случаи, когда мусульмане прыгают через стену, нападают на инокинь. Несколько лет назад все монахини вместе с игуменией собирали на Елеоне маслины, и в это время такая банда арабов перескочила через стену. Один пошел прямо на игумению с ножом. Игумения, слава Богу, свободно говорит по-арабски: «Ты знаешь, в твоём

Коране написано, что ты не имеешь права поднять руку на женщину?» И хотя он был под наркотиками, но он это понял и ушел. Но какую надо иметь выдержку и веру!

Конечно, и власти со всех сторон нас тоже прижимают. Стараются все время отсечь кусок земли. Приходится строить стены за невероятные деньги. Сейчас с израильскими властями у нас более-менее спокойные отношения, но надолго ли это? Однако мы обязаны выстоять, ведь в настоящий момент на Святой земле по официальным данным двести пятьдесят тысяч православных русскоязычных. На самом деле их намного больше, вероятно вдвое больше. Но в наши храмы приезжают считанные единицы. В основном в субботу, так как это выходной день. Причем приходят с опаской: боятся, что их заметят. Да, ситуация сейчас легче, чем была, скажем, двадцать лет назад. Тогда нас не защищал никто и нигде. Я своими глазами видел, как прямо в аэропорту в Тель-Авиве евреи оплевали священника и долго издевались над ним.

Святая земля. На приеме у патриарха Феофила III

Сейчас к христианам относятся корректно. Но это, в основном, благодаря огромному притоку русскоязычных евреев, которые вступают в смешанные браки. И мы сейчас пытаемся приобщить их к литургической жизни.

Подчеркну, что мы не имеем права заниматься никакой внешней деятельностью, кроме как внутри наших монастырей. Мы не можем выезжать в Беершеба, чтобы там слу-

жить, хотя мы знаем, что там есть православные верующие. Мы иногда ездим туда, чтобы просто с ними побеседовать, но служить там мы не можем. И поэтому мы приглашаем этих людей к себе. Я служил для них последний раз два месяца тому назад в субботу. Эти богослужения мы планируем сделать регулярными: они будут приезжать к нам издалека на автобусе, исповедоваться, причащаться. Но это очень кропотливая работа. Тем более что большая часть этих людей, выходцев из России, невоцерковленные, хотя и крещеные. Так что все очень непросто.

Но монашеская жизнь идет своим чередом, без серьезных перипетий, хотя у нас бывают трудности. Например, сложно находить священников, которые готовы там служить, потому что условия там, в том числе климатические, трудные. Летом – жара ужасная, зимой – холод. И никакие здания не отапливаются как следует. Поэтому везде, в церкви в Гефсимании например, почти как в холодильнике. Тем не менее, монахи и священнослужители трудятся во славу Божию. И это надо всячески поддерживать.

– Что Вы скажете тем, кто мечтает о «Немецкой Православной Церкви», «Французской», «Английской» и так далее?

– Таких Церквей нет. Разумные люди на Западе и не стремятся к этому. Хотя есть, чего уж таить, и неразумные, кото-

рые хотят хоть бы завтра Православную Церковь в Германии, Англии и так далее. Подобное ничем положительным не кончается, не ведет ни к чему. Подобные вещи должны вырасти органически, естественно – их нельзя создавать механически. Вспомним, как Русская Церковь обрела свою самостоятельность.

В настоящий момент мы в Германии даже не имеем перевода литургии. Мы составили епископскую ассамблею, где приняли в прошлом году один текст, составленный комиссией по переводам. В эту комиссию входили представители всех приходов Германии. Но перевод получился неудачным и вызвал бурные дискуссии, которые выявили разногласия между разными православными приходами.

Единой «Немецкой Православной Церкви» не может быть уже потому, что на нашей территории пользуются разными календарями. Греки ввели свой католический календарь, мы придерживаемся православного. У нас есть свои святые, причем такие, которые были прославлены до разделения Церквей. Разделение произошло намного раньше 1054 года – фактически с момента введения Filioque. Поэтому мы не признаем святых, которые появились сразу после этого деяния.

Богослужение в Германии иногда совершается на немецком языке. При этом преимущественно мы используем все-таки церковно-славянский язык. Но есть разные подходы к этому вопросу, в зависимости от способностей священника, от потребностей прихода. Во многих приходах читают Евангелие и Апостол, возглашают одну-две ектении на двух языках, а что-то – по-немецки. Есть приходы, где службы совершаются по большей части на немецком, но с некоторыми вставками по-славянски. Где-то раз в месяц служат только по-немецки. Есть приходы, где немецкий язык звучит по субботам, чтобы от храма не отпали люди, которые имеют возможность ходить туда только раз в неделю и не понимают церковно-славянского языка. То есть мы поощряем самые разные подходы, потому что понимаем: мы должны рассчитывать на то, что через десять-пятнадцать лет те люди, которые сейчас наполняют наши храмы, а также их дети, уже не будут владеть рус-

Молебен в Мюнхене

ским языком в полной мере. Они зачастую не ценят русскую культуру и постепенно отрываются от своих корней.

Да, проблем немало.

Немецкий язык, которым мы вынуждены пользоваться, не имеет давней богослужбной традиции, а церковно-славянский как раз и ценен тем, что был создан именно для литургии. И он имеет такие особенности, которые не присутствуют ни в одном живом языке. Помимо того, любой разговорный язык меняется очень быстро. Мы сами этого обычно и не замечаем, но если посмотреть какие-то книги, напечатанные сто лет назад, можно увидеть слова, для нас совершенно непонятные.

У меня был такой случай. Однажды послушник, голландец по национальности, читал по-немецки и вдруг принялся безудержно хохотать. Я, разумеется, прямо полетел на клирос: «Что происходит?» Я посмотрел, что он читал. В книге было вычеркнуто одно слово, он догадался, что там стояло, и поэтому стал хохотать. Он прочитал: у пророков было телевидение. А имелось в виду, конечно, «дальновидение». В XIX веке это слово не имело еще технологического значения, и потому переводчики его употребляли. А теперь в богослужбных текстах этого делать нельзя – язык изменился.

Должен сказать и следующее: различное восприятие некоторых сторон церковной жизни существует и у Московского Патриархата, и у зарубежья. Мы, например, отказываемся от того, чтобы отпевать людей, которые были сожжены – кремированы, а в России это делается. Это в конечном итоге не помешает срастанию, но такие вещи, конечно, должны где-то обговариваться, мы должны найти общий знаменатель.

– Расскажите, пожалуйста, про религиозное телевидение в Германии и про то, как преподаются основы христианства в школе.

– Телевизионные передачи есть, но их мало. И они, как правило, культурологические. В них рассказывают о какой-то стране и немного говорят о религии. Чисто православные передачи появляются очень редко. В таком положении вещей виновата

наша инертность. Мы могли бы иметь гораздо больше возможностей, если бы сумели воспользоваться ими целенаправленно. В этом направлении идет определенная работа, но она, конечно, будет охватывать очень небольшой процент населения.

С другой стороны, преподавание основ Православия нам в общем-то не нужно, у нас Закон Божий в школе. В трех-четырех землях (провинциях) Германии преподается православный Закон Божий как обыкновенный школьный предмет, поскольку изучают там и основы католичества, и основы протестантизма. Наша Церковь добилась этого еще в пятидесятые годы. Но обычно мы все-таки собираем детей у себя при церкви, по субботам, и там преподаем Закон Божий, но отметки ставим в табель. Эти уроки и оценки признаны министерством культуры. Иногда к нам приходит проверяющий, чтобы посмотреть, как мы преподаем, как это происходит, дает какие-то советы и тому подобное.

– Влияет ли массовая миграция исламского населения в Германию на церковную жизнь?

– Сейчас нет массовой эмиграции. Но ситуация такова, что Берлин небезосновательно называют самым большим турецким городом после Анкары. Понятно, что это влияет на всю жизнь Германии. Что и говорить, если бывает так: идет священнослужитель в рясе по турецкому кварталу – и старушки плюются. А в Англии, как вы знаете, запретили над входом в церковь поместить мозаику с Богородицей. Потому что напротив живет какой-то мусульманин, и он добился такого решения. Это одна сторона. А с другой стороны, ежедневная жизнь исповедующих ислам является красноречивым упреком для нас. Потому что мусульмане, например, постятся строго, а наши верующие не очень любят говеть. Мусульмане неукоснительно придерживаются своих правил, и они добились того, что у них дети в определенные дни освобождены от школы, например.

Влияние мусульман в Германии, да и во всей Европе, возрастает: турки уже стали членами парламента, и, разумеется, они защищают свои интересы. Поэтому мы, хрис-

тиане, должны быть всегда начеку, должны сами заботиться о своем будущем, не поддаваться на провокации, которые могут разгореться до религиозных конфликтов.

– С какими главными трудностями приходится сталкиваться Церкви сегодня?

– Я думаю, что одна из самых больших проблем, если не самая большая, заключается в значительном перерыве в традиции. Живой традиции, к сожалению, нет. Родители многих наших современников были либо неверующими, либо придерживались лишь обрядовой стороны религии. Поэтому очень чувствуется недостаток развития церковной, прицерковной культуры. Нет нормального развития, которое в России до семнадцатого года было естественно: ребенок рос в семье, где его сопровождали хотя бы внешние формы христианской жизни.

То, что такая традиция ушла, чувствуется очень сильно, в том числе и за границей. Потому что наши прихожане до недавнего времени, во всяком случае до девяностых годов, были людьми, воспитанными на старых традициях, даже если они приехали на Запад уже в период Второй мировой войны. В них было видно церковное благочестие, они соблюдали посты, знали молитвы и тому подобное. Это все было для них естественно. А теперь это не так. Люди, которые сейчас приезжают на Запад, воспитывались, как правило, в нецерковных семьях, и они не знают православных традиций: как поститься, как разговляться, как молиться и так далее и так далее.

Эта проблема, конечно, влечет за собой целый ряд других проблем. Например, нам, архиереям, очень трудно теперь находить кандидатов на священство. Мужчины в возрасте до тридцати лет по большей части по два-три раза разведены и прочее, то есть возникают канонические препятствия для хиротонии.

Есть острая проблема, связанная с пониманием церковно-славянского языка, просто потому, что люди не учат его. Несомненно, если бы мы осваивали его с детства, нам было бы намного легче. Поэтому в наших приходских школах церковно-славянский язык преподается с первого класса. И хотя иные дети плохо говорят

по-русски, они все же осваивают азы богослужебного языка. И они в состоянии понимать Евангелие, Апостол. Мы понимаем, что для ребят знание церковно-славянского языка во многом является залогом того, что они потом будут полноценно участвовать в церковной жизни.

– Как сильно влияют мировые политические события на жизнь Церкви?

– Конечно, развитие человечества находит отражение в церковной жизни. Двадцать лет назад я не пользовался компьютером, а сейчас я на каждом шагу им пользуюсь. Естественно, общее развитие влияет на жизнь Церкви. Она, с одной стороны, становится более удобной, а с другой – мы берем на себя больше работы, чем раньше. И это нельзя оценить однозначно.

Что касается внешних событий, то они тоже влияют на нашу жизнь, потому что в Европу вдруг приезжают люди из Казахстана, Киргизии, а мы о них почти ничего не знаем. А еще сейчас мы интенсивно общаемся с другими Поместными Православными Церквями, среди прочего и потому, что вообще путешествие стало более удобным и легким. В результате наши связи со всем православным миром углубляются и расширяются.

Думаю, это только на пользу церковной жизни. Мы видим, что происходит в других Поместных Церквях, можем применять то, что полезно, можем отвергать то, что нам кажется бесполезным.

В настоящее время мы включаем в наши службы особые молитвы, когда, например, бомбят Сербию, когда происходят землетрясения. Без сомнения, нас касается все, что касается всех православных христиан, так что мы всегда должны следить за всеми происходящими событиями, как внутренними, так и внешними, и как-то на них отзываться.

– Сейчас многие считают, что объединенная Европа является угрозой для христиан...

– Опасности пока я не вижу. Но отдельные моменты меня настораживают. Так, ЕС пытался вмешиваться во внутрицерков-

ные дела Болгарии – стал поддерживать раскольников. Многие сейчас зависят от позиции христиан. Если мы будем вести себя стойко и достойно, тогда с нами будут считаться, если нет, то мы потеряем почву под ногами.

– Насколько реальны опасения, связанные с навязыванием так называемых общечеловеческих гуманитарных ценностей для современного православного человека?

– Все зависит от того, как мы их воспринимаем. С православной точки зрения, как меня учил преподобный Иустин (Попович), они, конечно, являются угрозой. Поскольку они воспринимаются по-человечески – то есть в ущерб Божественному. Это плохо, поскольку в данном случае у человека нет свободы выбора. Иными словами, нам с вами нужно занять правильную позицию, и тогда нам никто не сможет навязать чуждые ценности.

– Каковы, на Ваш взгляд, задачи миссии в наше время?

– Я считаю, что миссионерствовать в наше время нужно, прежде всего, среди тех народов, которые причисляют себя к традиционно православным. Потому что во всех странах – в Советском Союзе, конечно, это проявилось особенно ярко – народы, как правило, далеко отошли от своих истоков. Скажем, в Греции изменили календарь и смягчили многие устои. Народ там просто отвык от Церкви, а самое страшное, что рабочие, которые были на заработках в Германии или в других европейских странах, заразились протестантизмом и принесли его дух в Грецию. И произошел полный разлад церковной жизни. И потому, думаю, очень важное дело для нас – именно внутреннее миссионерство. Чтобы мы внутри своих Поместных Церквей предприняли максимум усилий для того, чтобы не потерять драгоценность, которую унаследовали от своих отцов.

Что касается внешнего миссионерства, то, скажем, у нас, в Германии, ведется пусть и не слишком интенсивная, но все же продуктивная деятельность среди инославных и даже иноверных. Мы крестим протестантов,

католиков, иногда даже мусульман. В миссионерских целях у нас, в нашем монастыре в Мюнхене, издается очень много литературы. Мы издаем богослужебные тексты на немецком языке, у нас есть все богослужения первой седмицы Великого поста и Страстной седмицы, то есть тех дней, когда в храмах молится особенно много людей. Наши книги регулярно заказывают католики, протестанты, и они ими явно просвещаются. Примут ли они Православие – это вопрос, но какая-то внутренняя работа у них в этом направлении идет.

Пасха Христова

И еще: я часто повторяю слова, которые мне сказал когда-то один священник в Сербии: «Наша ряса – это проповедь». Это миссионерство. Поэтому я совсем не признаю людей, священнослужителей, которые ходят в штатском. Наша ряса действительно является проповедью. Знаю по опыту, люди на улице часто останавливаются и говорят что-то вроде: «Спасибо, батюшка, что вы так ходите. Потому что наши ксендзы больше не ходят так». Или я прихожу в больницу, чтобы исповедовать и причастить кого-то, и соседка по палате обязательно обращается: «Батюшка, благословите меня тоже. Я хоть католичка, но я не вижу своего ксендза, а вас хотя бы видно». Понимаете, какой эффект! Однажды я пришел, чтобы причастить одного человека, а вышло так, что к Святым Христовым Тайнам приступило четырнадцать человек! А медсестра меня увидела и говорит: «Батюшка, вы знаете, здесь лечится много православных». И я несколько часов провел в этой больнице.

Такое миссионерство можно назвать подспудным, естественным – в нем почти

нет слов. Мы миссионерствуем просто нашим присутствием. Так же могут поступать и дети. Когда они учатся в школе, то не участвуют в общей школьной молитве, так как являются православными. Конечно, это привлекает внимание. Начинаются вопросы, и ребенок рассказывает одноклассникам о своей вере. Это естественное миссионерское поле очень широкое и очень плодотворное. Уверен, наше присутствие, наша ежедневная жизнь являются мощным миссионерским инструментом.

– Возможно ли мирянину жить сегодня строгой аскетической жизнью?

– Я убежден, все всегда возможно: если человек хочет, то он может жить аскетической жизнью. Но если он считает любое напряжение тяжелым, он просто будет подавлен любой попыткой аскетического подхода к жизни. Каноны и правила Церкви не были составлены для какого-то ограниченного отрезка времени. Они не имеют исторических пределов. А значит, в любых условиях можно найти уголок, в котором можно или подвизаться, или потерять все. Можно быть христианином, а можно и впасть в ересь, если не подходить к своему призванию сознательно и целенаправленно.

– Есть ли сейчас почва для возникновения новых ересей?

– К сожалению, ереси возникают на каждом шагу. Но если присмотреться, мы увидим, что каждая новая ересь возобновляет фактически только старые ереси, которые уже осуждены Вселенскими соборами. Видоизменена только форма – ничего нового под небом нет.

– Интересно, какое на Западе у православных отношение к телевизору во время поста, а у молодежи – к музыке, дискотекам?

– Я вообще телевизор не смотрю. Думаю, что во время поста нужно от него отказаться – и будет польза. Есть немало семей, которые совершенно сознательно не покупают телевизор, поскольку они уже поняли степень вреда, который он приносит. Телевизор дает обилие информации, потом она бурлит в душе, отравляет сердце, развращает тело. И как молиться тогда?

У меня в доме, когда я был на своем первом приходе, жила старушка. Она была глухой, а потому звук ее телевизора был очень громким. И вот начинается пост: один день – никакого звука нет, второй, третий... Я забеспокоился: жива ли старушка? Однажды я встретил ее на лестнице и спросил, не случилось ли чего? А она: «Пост же идет». Вот так!

Апостол Павел говорит, что все возможно, но не все полезно. Это касается и так называемой современной музыки, которая есть шум, а не музыка.

Расскажу вам такую поучительную историю. Молодой человек поступил два года назад в монастырь, был принят как послушник. И вдруг в начале этого года начал дергаться на богослужении – не может спокойно стоять и все. Наклоняется назад и вперед, во все стороны, совершенно изматывается, а я же вижу, что человек уже больной – абсолютно. А причины недуга не находится: мы его отправляли ко всем врачам – телесное здоровье в порядке. Но потом он признался, что увлекался рок-музыкой. И телодвижения, которые он сейчас делает невольно, когда-то он делал сознательно

– страшные, изматывающие движения. Он не мог от них освободиться даже после соборования. Человек уже плененный, он во власти бесовщины...

– Что делать человеку, у которого нет духовника?

– Ответ прост – поискать его! Можно многому научиться по книгам, но это будет книжное и абстрактное знание. Оно никогда не станет жизненным. Можно почитать, а потом посоветоваться с кем-то, но не жить по книгам. Поэтому духовника надо искать обязательно.

– Какие духовные книги Вы рекомендовали бы прочитать семинаристам?

– В чтении духовной литературы есть определенная последовательность, которой желательно придерживаться. И здесь нужно сказать: в том, что в начале постсоветского периода православной литературы издавали очень много, был большой недостаток. Люди читали все подряд и очень часто читали не то, что надо. Поэтому скажу, что можно, например, начать с аввы Дорофея, с преподобного Макария Египетского, с Оптинских старцев... Но чтобы человек не забрел в опасные дебри, чтением должен руководить духовник. Нужно определять последовательность книг, выбирать только те, которые духовное чадо поймет.

Я всегда советую сначала читать две книги параллельно: одну – из древних отцов, а другую – из более современных подвижников. Потом люди приходят ко мне раз в неделю, и мы обсуждаем прочитанное. Читать советую с карандашом, отмечать, что непонятно, что кажется странным, что вызывает вопросы. И мы вместе осознаем, что и как человек воспринимает при чтении. Это очень важно.

– Какова практика причащения в ваших приходах? Как часто следует причащаться?

– В зависимости от того, как живет человек. Мирянину я советую причащаться три раза в месяц, если он регулярно бывает на службах. Но не может быть никакого

«шаблона» – все зависит от индивидуальной подготовленности и благословения духовника. К вопросу причащения нужно подходить внимательно, осторожно, необходимо смотреть, в каком состоянии находится человек.

Рукоположение

У меня, например, за много лет сложилась такая практика. Есть люди, которые регулярно бывают в храме, особенно на Страстной седмице. Они молятся в храме каждый день от Входа Господня до самой Пасхи. Поэтому я им советую, чтобы они исповедались за день-два до Входа Господня. И потом причащались каждый день без исповеди, если только ничего особого не случится. То есть мы должны помнить, что исповедь и причастие не обязательно между собой связаны – это два разных таинства. И поэтому мы можем их отделить, а соединяем мы их только по дисциплинарным причинам.

Когда я был только рукоположен в священники и еще говорил по-гречески, ко мне часто приходили греки, так как там не было греческого священника, который имел право исповедовать. Я, естественно, задавал вопрос: «Когда Вы последний раз исповедовались?» И слышал страшный ответ: «Двадцать-двадцать пять лет назад». Все мы помним, что в молитве перед исповедью говорится о том, что человек соединяется с Церковью. То есть человек, который продолжительное время не исповедовался, уже не в Церкви. И поэтому необходимо следить за тем, чтобы человек регулярно приступал к исповеди. Но повторю: я считаю возможным допускать более частые причащения, чем исповедания.

Но может быть и наоборот: я иногда налагаю епитимию за какой-то грех и говорю, что человек должен каждую неделю

исповедоваться, но причаститься он может только через полгода.

– А какие Вы даете епитимии?

– Здесь все зависит от греха и от грешника. Каждый грех, конечно, заслуживает епитимии, но не каждый грешник одинаково может понести ее. И здесь снова нужно проявлять осторожность и предусмотрительность.

Вспоминаю сейчас такую историю. На моем первом приходе были две невенчаные женщины. Но одна попала в эту ситуацию по обману: ее муж сказал, что разведен, но это оказалось неправдой. А другая женщина жила в небрачном сожителстве, вступив в него совершенно сознательно. И одной я разрешал раз в году причащаться, чтобы она не отпала от Церкви, а другой, которая поневоле попала в сложную ситуацию, – три раза. Повторю еще раз: здесь не может быть общих правил, общепризнанных или общепринятых.

Епитимии всегда должны исходить из конкретной ситуации, в которой находится человек, от той духовной зрелости, которой он достиг или не достиг и которая позволяет понять, может ли он нести ту или иную епитимию. Я в таких случаях призываю людей почаще исповедоваться. Обычно, когда человек на несколько месяцев отлучен от причастия, я назначаю исповедь через две или три недели, поскольку для меня важно, чтобы он осознал, что происходит. Чтобы это не было для него веригами, тюрьмой, строгим наказанием. Не должно быть такого в Церкви. Епитимия – это не наказание, это мера для исправления. И поэтому так важно, чтобы человек сам понимал тяжесть греха и стремился к тому, чтобы освободиться от него. Чтобы он осознавал, как и почему с ним так поступают, чтобы он это принял и научился каяться сердцем. Только тогда возможно какое-то исправление, иначе он будет продолжать жить во грехе.

– Хотелось бы узнать Ваше мнение по поводу православно-католического диалога.

– Здесь идет какой-то диалог, насколько я могу судить. Я, может быть, недостаточно

нейтрален, но скажу так: из католиков никогда не вытравить папизм.

Скажу несколько слов о нынешнем понтифике. Он человек очень чувствительный, очень тактичный, и, когда он в Мюнхене был кардиналом, его очень полюбили. Меня радует в его деятельности то, что он откровенно говорит, даже если православным и протестантам это не всегда приятно. Мне эта честность мила. Здесь папа не увиливает от истины и не старается как-то приспособливаться к своему собеседнику. А об остальном говорить можно сколько угодно, но будет ли какая от этого польза?..

Вот, например, католики хотят вместе молиться. Я говорю: «Давайте перед тем, как вместе молиться, сперва просвещать друг друга». Когда приходят ко мне студенты-католики и утверждают, что они в университете слышали, что в Православной Церкви есть женское диаконство, мне хочется пожелать им уйти из этого университета. Они или ничего не поняли, или им не то рассказали. В вопросе отношений между католиками и православными ощущается огромный недостаток информации. И этот дефицит ощущается гораздо больше именно с католической стороны, а не с нашей. Эти лакуны можно восполнять. Но для настоящего сближения я не вижу перспектив. У меня в течение жизни было много контактов как с католиками, так и с протестантами. К позитивным результатам подобное общение приводит в крайне редких случаях, и то, скорее, у протестантов, чем у католиков. Первые понимают, что у них ничего нет, что у них нет вообще церковной основы. Между тем как католики думают, что у них очень многое сохранилось. А на самом деле это выветрилось давно.

– Как в вашем монастыре братия строит общение со своими родственниками?

– Его действительно нужно строить. Но так, чтобы свести к абсолютному минимуму. Потому что иначе человек всегда своими мыслями и чувствами будет находиться в миру и никогда не станет настоящим монахом. Хотя есть, конечно, и исключения. Я разрешал монахине побыть у своей матери, которая нуждалась в уходе. Когда я уходил из университета, оставлял свою преподава-

тельную деятельность, многие мои студенты хотели посещать меня чуть не каждый месяц. Я им сказал: «Ни в коем случае! Не позволяю! Дайте мне хотя бы десять лет, а потом найдем друг друга». В общем, я считаю, что с родственниками и друзьями монаху надо быть очень осторожным.

– И еще несколько частных вопросов. Можно ли православному верующему ходить в католический храм слушать орган?

– Если кто-то очень любит музыку, пусть ходит. Но все же орган – чрезвычайно чувственный инструмент. Он волнует чувства, что, понятно, не всегда полезно христианину.

– Возможен ли новый Вселенский Собор?

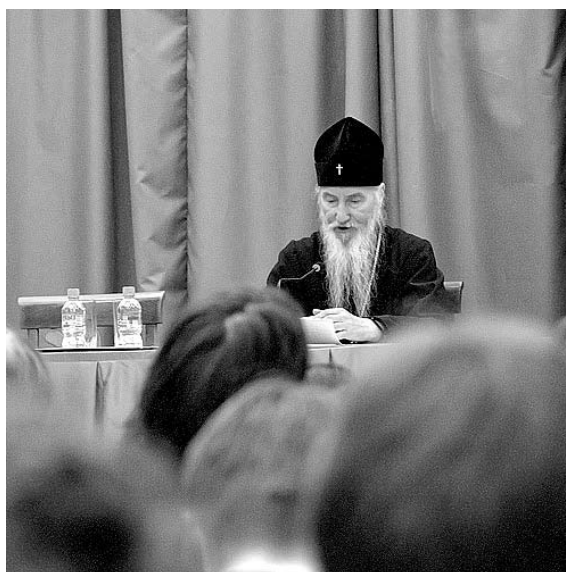
– Не думаю, что такое будет в обозримом будущем. Во-первых, надо сказать, что Вселенский Собор вообще никогда не созывается, а созывается просто Собор. И он впоследствии может быть признан Вселенским. На каких основаниях? Во-первых, если в нем участвуют представители всех Поместных Церквей. Во-вторых, если все православные христиане примут все его решения. Нужно об этом помнить.

– Для чего, по-Вашему, нужен Высший церковный совет?

– Такой совет существовал. Он был образован в 1917-1918 годах на Поместном Соборе. Высший церковный совет – это высшая инстанция, которая действует между Соборами. Соборы, даже если они бывают ежегодно, не могут охватить все проблемы актуальной церковной жизни. И поэтому такой орган может действовать более радикально, более быстро реагировать на какие-то вопросы.

– Как отдыхают архиереи? Бывает ли у них отпуск?

– Я отдыхаю ночью, и отпуск у меня тоже ночью. Вот и все. Никуда и никогда не ездил отдыхать. Отвлекаюсь от епархиальных дел только тогда, когда бываю на Святой земле, потому что... выключаю телефон.

– Почему молодые люди из Германии, желающие получить духовное образование, приезжают в Россию, а не в другие европейские страны?

– До 1990 года мы посылали таких ребят в основном в Америку, в Джорданвилль – там была единственная наша зарубежная семинария. Но есть и другие школы, где можно получить богословское образование. В мюнхенском университете недавно открыт факультет православного богословия, где учатся наши молодые люди. Не скрою, нам было очень сложно переориентироваться в то время, когда открылись все границы и пала советская власть, которая представлялась нам если не вечной, то во всяком случае долговечной. Теперь мы посылаем кандидатов в разные учебные заведения в России и на Украине, в Америку. Немаловажен здесь финансовый вопрос.

Но главная наша задача заключается в том, чтобы будущие священнослужители познакомились со здешними, русскими обычаями, порядками, устоями – этому не научишься в Америке. Верующие, которые теперь наполняют зарубежные храмы, – это в основном мигранты из бывшего Советского Союза. Русские немцы из Казахстана, дети от смешанных браков... Именно поэтому тем, кому предстоит служить на Западе, так важно учиться в России. Наши священнослужители сталкиваются с проблемами, о которых мы раньше и не подозревали. К примеру, до девяностых годов ни один свя-

щенник моей епархии никогда не посещал тюрьму, поскольку русские люди туда не попадали, а теперь почти в каждой из них можно открыть православный приход.

– Обязательно ли принимать решение о женитьбе или монашестве во время обучения в семинарии?

– Совсем не обязательно. Конечно, желательно, чтобы человек отдавал себе отчет, куда он стремится. Монашество не может быть механическим выходом из положения, когда человек не может найти будущую жену. Монашество может быть построено только на том, что человек желает, горячо желает служить исключительно Богу. И еще: важно, чтобы человек во время учебы уже где-то проверял себя. Без этого невозможно принять ни одного решения.

Нужно крепко задуматься: «Способен ли я духовно на тяготы семейной жизни или на тяготы монашеского делания?» И то и другое трудно. И то и другое требует, прежде всего, самоотречения. Без этого ничего не сделаешь. Пока ты будешь жить эгоистом, правильного решения тебе не принять. Поэтому и надо постоянно проверять себя и смотреть, на что ты способен, к чему ты расположен. И только осознав все сполна, делать выбор – очень важный выбор. С того момента, как я решил принять монашество, и до пострига прошло восемь лет, которые я употребил для того, чтобы постепенно приближаться к этому. Повторяю: к выбору нужно относиться осторожно.

– А что делать, если выбор молодого человека не благословляют его родители?

– Это, без преувеличения, бомба. Когда мне было 33 года и я был преподавателем в университете, я принял решение о монашеском поприще. Мои родители были в ужасе! Да, наши родственники не всегда сочувствуют всем нашим желаниям: ни мо-

нашеству, ни женитьбе, ни принятию сана. Но каждый человек должен принимать самостоятельные решения, с любовью относясь к родителям, понимая их и сочувствуя их вопросам и проблемам. Необходимо объяснить им, почему ты хочешь идти именно этим путем, что ты находишь в нем светлого. Должен сказать, что в большинстве случаев через некоторое время родители, близкие, друзья обычно понимают, что принятое их сыном, другом решение правильно. Он сделал верный выбор, и его нужно поддерживать.

– Какими Вы видите выпускников семинарии?

– Я хочу, чтобы у семинаристов за плечами осталось не только образование, но и воспитание. Чтобы человек умел себя вести не только в Церкви, в храме, но и в любом общественном месте, в любом социуме. Сейчас зачастую мы видим ужасающие картины, когда молодые люди просто не знают, что такое такт, общепринятые правила поведения. А между тем это очень важно. И только тогда, когда человек научится всему этому, он может быть пастырем.

Будущий священнослужитель должен научиться вникать в проблемы людей, сочувствовать им, должен быть внимательным к их нуждам и словам – иначе он будет требоисполнитель, но не пастырь. И еще нужно помнить, что каждая епархия имеет свои разнообразные особенности, и поэтому надо быть готовым к встрече с ними, к интеграции в новое общежитие. Это далеко не всегда легко и требует внимательности и чуткости – к самому себе и к другим.

§ Материал предоставлен редакцией «Православие.Ру».

Фото: «Православие.Ру», сайт «Русская Православная Церковь за границей»

Миссионерская поездка на Чукотку

В прошлом году мы, по благословению Высокопреосвященного владыки Иоанна, отправились в миссионерскую поездку в одну из самых сложных епархий Русской Церкви. В конце сентября мы со священниками Белгородской и Старооскольской епархий, а также с командующим составом войск дальней авиации вылетели из Москвы. Перед приземлением на Чукотке мы совершили две посадки в городе Воркуте и поселке Тикси, выполняя благословение Святейшего Патриарха о передаче икон преподобного Илии Муромца с частицей его святых мощей в гарнизоны дальней авиации РФ. В этих воинских частях были отслужены молебны, а также проведены беседы с военнослужащими. Уже там мы почувствовали на себе, с чем нам предстоит столк-

**§ Ростислав Кириянов, Игорь Котляров,
студенты 4 курса Белгородской
Православной Духовной семинарии
(с миссионерской направленностью)**

нуться: ни одного дерева на многие-многие километры вокруг, пронизывающий ветер, минусовая температура уже в сентябре, но вместе с тем очень радужный прием. После этих воинских частей мы приземлились уже в Анадырском аэропорту в поселке Угольные Копи, где нас встречал епископ Анадырский и Чукотский Никодим. После молебна и трапезы мы, наконец, отправились на постоянное место нашего пребывания на Чукотке в город Анадырь. Это оказалось несколько затруднительно, так как поселок Угольные Копи с самим городом

разделяет пролив Лиман. Переправившись на барже на другой берег, мы уже тогда отметили красоту Анадыря и его главной достопримечательности – кафедрального собора во имя Святой Живоначальной Троицы – самого большого деревянного здания в мире, построенного на вечной мерзлоте.

Нашим главным послушанием было пение на богослужениях в соборе, а также

при посещении священниками отдаленных поселков епархии. Острая нехватка хористов всегда была проблемой сложных приходов и в частности Анадыря, достаточно сказать, что до нашего приезда в соборе пел всего один человек, прямо скажем не обладающий хорошим слухом.

Помимо главного собора в Анадыре есть еще так называемый «нижний храм»,

в котором богослужения временно не совершаются в связи с плачевным состоянием, в котором он остался после бывшего управляющего епархией раскольного епископа Диомида. Рядом располагается хозяйственная часть епархии: гараж с

транспортом, различные помещения для хранения, а также контейнеры с продуктами. Все, как известно, имеет свойство ломаться, поэтому наша помощь при организации быта приходской жизни тоже очень часто требовалась.

Недельный богослужебный круг у нас начинался с вечера четверга, когда мы служили молебен с акафистом Святителю и Чудотворцу Николаю, за которым среди местных жителей прочно закрепилось звание покровителя Чукотского православия, затем службы совершались вечером в пятницу, литургия и панихида по всем усопшим христианам, после которых следовало Таинство крещения в субботу утром, в субботу вечером всенощное бдение и, на-

конец, в воскресенье утром торжественная Божественная литургия, которую совершал епископ Никодим. Помимо этого на неделе совершались службы двенадцатым и великим праздникам, великим святым. Помимо богослужений активно участвовали в деле социального служения: в больницах, школах, детском доме и в домах-интернатах, в воинских частях. Нам довелось участвовать в организации детских утренников на Рождество и Пасху Христову, поздравлять с этими праздниками воспитанников детского дома, заключенных анадырской колонии, пограничников. Также приходилось заранее выходить из дома на службу, четко зная что на улице тебя несколько раз остановят местные жители с рядом вопросов (как освятить крестик? как крестить ребенка? как освятить квартиру? и, наверно самый частый – как бросить пить?), которым обязательно нужно уделить внимание, попытаться заинтересовать их в настоящей приходской жизни, хотя бы в этой одной короткой беседе объяснить какое место в нашей жизни должен занимать Христос и Таинство Причащения... И великое благодарение Богу, что некоторых из таких случайных прохожих мы потом встречали уже в храме.

Конечно, было бы лукавством сказать, что в храм ходит много народа, когда в городе с населением в 15 000 человек на воскресной службе всего 35-40. Эта поездка повлияла на личные ценности каждого и дала большой миссионерский опыт. Мы соприкоснулись с миром жестокого севера, диким миром животных, и даже там, сопротивляясь суровым условиям, человек живет и славит Бога!

Миссионерская поездка в Петропавловскую и Камчатскую епархию

9 июля 2011 года по благословию председателя Синодального миссионерского отдела Московского Патриархата, архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна, на Камчатку прибыл участник очередной миссионерской экспедиции священник Владимир Кузнецов, клирик Белгородской и Старооскольской епархии.

За время миссионерского служения были организованы и совершены богослужения в отдаленных населенных пунктах, а также катехизаторские и огласительные беседы перед совершением Таинства Крещения.

Проведены в школах занятия и лекции об основных понятиях духовно-

§ Священник Владимир Кузнецов

нравственного воспитания подрастающего поколения (для педагогов), лекции о патриотизме и духовности в старших классах, об основах православного вероучения – в начальных классах. Также в школах и детских садах неоднократно проводились

видеолектории, включающие в себя фильмы духовно-нравственного содержания, воспитывающие любовь к отечеству, его православной истории, культуре.

Постоянно осуществлялось духовное окормление военнослужащих: посещение пограничной заставы и беседы с личным составом; беседы о православии с людьми преклонного возраста и больными, причащение их на дому.

Посещались различные организации и силовые структуры, действующие на территории Карагинского района в Петропавловской и Камчатской епархии.

За время миссионерской экспедиции состоялось более 15 встреч и бесед в учреждениях культуры и образования в отдаленных поселках Камчатского края и Корякского автономного округа, где с 23 июля по 6 октября проводилась миссионерская работа: были посещены все поселки и села, входящие в состав Карагинского района: Оссора, Ильпырское, Ивашка, Тымлат, Карага, Кострома, где совершались миссионерские служения в детских садах, школах района, были показаны видеофильмы, крещены дети и взрослые, освящены квартиры, совершены Божественные литургии, молебны, панихиды на кладбищах, проведены беседы с людьми.

Передвижение и транспортировка миссионерской экспедиции осуществлялись на катерах, МРС, вездеходах, вертолетах, самолетах благодаря содействию и помощи администрации района и местного населе-

ния. В ходе поездок происходили встречи с администрацией поселков и сел, обсуждение социальных и духовных вопросов.

Особое внимание обращалось на коренные малочисленные народности. При каждой возможности совершались Таинства крещения, предваряемые необходимым оглашением. Всего был крещен 31 человек. Важным компонентом миссионерской деятельности среди коренных народов было освящение зданий, детских площадок, больниц, морского транспорта, частных домов, проведение бесед о Церкви, таинствах, о духовной жизни христиан. Богослужения проходили каждый день, совершались молебны, панихиды, исповеди, а также причащение больных на дому.

Накануне праздничных и воскресных дней совершались вечерние богослужения, а в сам праздник – Божественная литургия, после каждого богослужения проводились беседы с людьми о значимости активной литургической жизни прихожан в Церкви.

13 октября 2011 года по благословению правящего архиерея Петропавловской и Камчатской епархии Артемия, священник Владимир Кузнецов отбыл в Белгородскую и Старооскольскую епархию. За миссионерское служение иерей Владимир Кузнецов получил личную благодарность от правящего архиерея, благодарственные грамоты от главы района Карагинского муниципального района Гринченко Н.П., от главы ассоциации общин коренных малочисленных народов севера Карагинского муниципального района (КАЙВА-ЯМ) Тортумашевой С.В., от родовой общины коренных народов севера (коряков) «Ючг'ив» Нагорной С.В.

Рекомендации

по осуществлению миссионерской деятельности в пенитенциарных учреждениях РФ

Священник-миссионер в тюрьме должен быть по большей мере добрым другом и заботливым отцом для заключенных. Почти всегда дело обстояло именно так: за простым человеческим участием и помощью заключенные могли обратиться только к двум людям в тюрьме – врачу и священнику.

Христианское служение в местах лишения свободы всегда было одним из наиболее сложных во всех отношениях. Тому миссионеру-священнослужителю или мирянину, которому волей Божией дан этот крест, полезно заранее знать о трудностях и искушениях, ожидающих на этом пути. Однако, проходя поприще этого служения по мере своих сил, христианин должен помнить, что он исполняет заповедь Спасителя: «...в темнице был и вы пришли ко Мне... ис-

§ Диакон Владислав Серков, преподаватель «Миссиологии» Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью)

тинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25,36-40).

Приходя к заключенным со словом о Христе, мы сами обретаем через них Христа. В этом состоит существенное отличие

пастырского подвига в местах лишения свободы от обычного приходского служения: не прихожане идут за помощью к священнику, а сам он, движимый долгом Христовой любви, приходит к грешникам, изолированным от общества. Немаловажная причина, по которой не каждый способен к этому многотрудному служению, состоит в том, что оно не сопровождается обычным материальным вознаграждением. За совершение треб, потраченные силы, время и средства узники не в состоянии чем-либо отблагодарить. Напротив, они сами нуждаются практически во всем: в одежде, пище и лекарствах – для тела, в понимании, сочувствии и добром слове – для души. В наше время при недостаточном количестве пастырей и церковнослужителей, почти нет возможности назначать штатных священников для тюрем и колоний, как это было до революции. Поэтому духовное окормление осужденных является обычно обязанностью тех священнослужителей, в благочиниях и приходах которых расположены места лишения свободы.

Прежде чем выйти на ниву христианского служения в местах лишения свободы, миссионер должен быть всесторонне подготовлен, быть готовым встретить на своем пути множество трудностей и лишений.

За совершение треб, потраченные силы, время и средства узники не в состоянии чем-либо отблагодарить. Напротив, они сами нуждаются практически во всем: в одежде, пище и лекарствах – для тела, в понимании, сочувствии и добром слове – для души.

I. При подготовке миссионера для служения в исправительном учреждении рекомендуется учитывать следующие факторы:

1. Необходимо знание правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы РФ.

2. Важно ознакомление с «субкультурой» исправительных учреждений. Тюремная субкультура – явление совершенно уникальное, распространяющееся далеко за пределы уголовно-исполнительной системы. В среде осужденных действует жест-

кая иерархическая система, деление на касты, каждому человеку в этой системе присуща своя роль и свои особенности поведения. Следует заметить, что противодействие администрации исправительных учреждений тоже является неотъемлемой частью этой субкультуры.

3. Миссионерская работа должна проводиться как среди осужденных, так и среди сотрудников уголовно-исполнительной системы. Необходимо, чтобы пастыри, православные психологи, социальные работники и волонтеры работали и с отбывающими наказание, и с выходящими на свободу заключенными.

4. Миссионерская деятельность должна быть направлена на организацию православной евхаристической общины, а также на ведение просветительской, катехизаторской работы с целью воцерковления крещеных, но ввиду разного рода обстоятельств, непросвещенных светом Христовой Истины, людей находящихся под пастырской ответственностью миссионера (того или иного исправительного учреждения, в котором пастырь несет свое миссионерское служение).

II. Одной из основных задач православного миссионера, занимающегося просветительской деятельностью среди заключенных, является создание евхаристической общины (прихода). Основными рекомендациями по созданию приходской общины являются:

1. Православная евхаристическая община учреждения создается из числа православных верующих осужденных – прихожан храма (молитвенной комнаты) общим собранием православных верующих осужденных.

2. Основанием для вступления в общину является личное волеизъявление осужденного.

3. Целями и задачами православной общины учреждения являются:

- религиозно-нравственное просвещение осужденных;
- содействие верующим осужденным в усвоении основ православного вероучения;
- утверждение норм и практики православного благочестия среди осужденных – прихожан храма (молитвенной комнаты).

4. Православная община учреждения существует на правах самостоятельной организации осужденных и членство в общине учитывается при определении степени исправления осужденных.

5. По предварительному согласованию руководство ИК предоставляет духовнику учреждения возможность принимать участие в заседаниях комиссии администрации учреждения по льготам с правом совещательного голоса.

6. Православная община оказывает содействие администрации учреждения в формировании у осужденных уважительного отношения друг к другу и к представителям администрации, к обществу, труду, нормам и правилам человеческого общежития, а также в стимулировании правопослушного поведения, опираясь на вековые традиции христианской нравственности.

7. Православная община учреждения оказывает духовно-нравственное влияние на осужденных путем просветительской деятельности, личного примера ее членов, средствами убеждения, молитвой и другими способами религиозно-нравственного воздействия, уделяя особое внимание:

- формированию вежливых отношений в среде осужденных, искоренению конфликтов и сквернословия;

- регулярному посещению верующими осужденными богослужений (молитвенных собраний) в храме учреждения (молитвенной комнате) и благоговейному почитанию святости воскресного дня;

- ежедневному исполнению верующими утреннего и вечернего молитвенных правил;

- устройению воскресной школы, развитию стенной печати, организации духовно-просветительских концертов, чтений и бесед, в том числе средствами радиотрансляций и видеопросмотров;

- формированию библиотечного фонда и обеспечению осужденных литературой религиозно-нравственного содержания;

- организации церковно-певческого хора;

- вниманию к нуждам и скорбям осужденных;

- поддержанию чистоты и порядка в храме (молитвенной комнате) и на прилегающей территории путем привлечения на

добровольных началах осужденных в свободное от работы и режимных мероприятий время;

- доведению до осужденных информации о богослужениях (мероприятиях) в храме (молитвенной комнате) и деятельности православной общины учреждения.

8. В отрядах учреждения из числа членов православной общины создаются секции православной общины, их цели и задачи определяются целями и задачами православной общины учреждения.

9. Православная община учреждения осуществляет свою деятельность под непосредственным руководством духовника учреждения (настоятеля храма) и все свои мероприятия согласовывает с администрацией ИУ; секции православной общины со-

Религия – это «предмет» сердца, совести человека. И когда заключенные духовно отрезаются, «приходят в себя» от предыдущей, полной грехов жизни, то они именно в религии часто находят утешение в своих скорбях.

гласовывают свои мероприятия в отрядах с начальником отряда и доводят до сведения начальника ОВР (Отдела по воспитательной работе с осужденными).

10. Староста православной общины учреждения (старший дневальный храма/молитвенной комнаты) назначается начальником учреждения по представлению замначальника по ВР и с письменного благословения духовника учреждения (настоятеля храма); председатели секций общины в отрядах – начальником отряда с благословения духовника (настоятеля храма).

11. Духовник учреждения (настоятель храма) имеет право беспрепятственного посещения отрядов и подразделений учреждения в сопровождении старосты православной общины или дневального храма (молитвенной комнаты) по предварительному согласованию с администрацией ИУ.

12. Деятельность православной общины осуществляется в соответствии с ежемесячным планом мероприятий, утверждаемым замначальника учреждения по ВР

(воспитательной работе). Необходимые вынужденные изменения могут вноситься в план текущего месяца по согласованию с начальником ОВР. По благословению духовника учреждения (миссионера, настоятеля храма) может быть объявлено внеочередное собрание членов православной общины или председателей секций православной общины в отрядах с предварительным уведомлением об этом ОД (оперативного дежурного) и начальника ОВР.

13. По результатам каждого месяца староста православной общины учреждения предоставляет письменные отчеты о проведенных мероприятиях духовнику учреждения (миссионеру, настоятелю храма) и начальнику ОВР.

14. Председатели секций православной общины в отряде имеют право:

- посещать храм (молитвенную комнату) в свободное от работы и режимных мероприятий время с обязательным извещением об этом начальника отряда или ОД через старшего дневального отряда;

- являться в храм по вызову духовника учреждения или старосты православной общины;

15. Председатель секции православной общины в отряде:

- доводит до сведения осужденных информацию о богослужениях и религиозных мероприятиях в храме (молитвенной ком-

нате), разъясняет их смысл, содержание и правила их посещения;

- обеспечивает посещение желающими осужденными богослужений и других мероприятий в храме (молитвенной комнате) или воскресной школе в соответствии с планом на текущий месяц;

- информирует ОД о количестве осужденных, участвующих в мероприятии;

- сопровождает осужденных из отряда в храм (молитвенную комнату) и обратно.

Священник-миссионер в тюрьме должен быть по большей мере добрым другом и заботливым отцом для заключенных, почти всегда дело обстоит именно так: за простым человеческим участием и помощью заключенные могли обратиться только к двум людям в тюрьме – врачу и священнику. Ведь религия – это «предмет» сердца, совести человека. И когда заключенные духовно отрезвляются, «приходят в себя» от предыдущей, полной грехов жизни, то они именно в религии часто находят утешение в своих скорбях. Их религиозным чувством надо дорожить, развивать и очищать от всевозможных невежественных предрассудков и заблуждений, укореняя в них ясные, светлые понятия о Православии, созидающие нравственность, вселяющие надежду на новую жизнь, укрепляющие доверие к Богу и ближним.

«...И чем оправдать эти годы?»

Письмо в редакцию

Здравствуйтесь, дорогие братья и сестры, здравствуйтесь, дорогая редакция журнала «Миссионерское обозрение». Я, грешный, отбываю пожизненное заключение на острове Огненный. На острове, который, наверное, уже стал моим последним земным пристанищем.

Недавно ко мне в руки попал журнал «Миссионерское обозрение», и я, грешный, поистине рад этому. Рад, что вы говорите о Слове Божиим и во многих статьях приводятся цитаты из Библии и о покаянии многих людей. Это очень нужно, тем более сейчас, так как многие люди даже не слышали о любви Божией, а если и слышали, то не читали Библию и стоят на краю пропасти.

Я, грешный, благодарен братьям и сестрам, которые молились обо мне в тяжелое для меня время. В то время, когда в душе моей была пустота, и я старался быть для людей

§ Владимир Аркатов

хорошим, но перед Богом оставался лжецом. Больше половины своей жизни я, грешный, прожил во грехе и совершил убийство. Господь хотел остановить меня, но я не слушал Его голоса. Нужно было пройти через неотступный липкий страх, ночные кошмары, чтобы понять: помочь может только Бог!

Я, грешный, был приговорен к пожизненному заключению, но и тогда я не хотел думать о Боге! Ничего удивительного в этом нет, ведь дьявол тоже не спал. И покатился я по наклонной плоскости. Тяжелая болезнь свалила меня, грешного, и я взывал к Богу. Но только мне становилось немного легче, как я забывал о Нем. Смерть стояла у моих ног, и я обратно взывал к Богу! И в это время Господь не оставил меня, грешного.

В тот момент я был в пропасти, и страш-

ная пустота была вокруг меня и в моей душе. И я, грешный, оказался как будто за какой-то стеной, в страшном мире, один на один с этой пустотой. Но в моей душе что-то перевернулось и я начал понимать, что Господь дает мне надежду на спасение. Для меня началась новая жизнь – жизнь со Христом!

Тени греха и искушения, окружающие нас, порой закрывают путь, по которому прошел наш Господь. Но отраднo осознать, что Спаситель позаботился о нас, грешных, и оставил нам путеводителей: Духа Святого и Библию! Меня иногда спрашивают: «что ты имеешь от своей веры в Бога? Что дает тебе твоя вера?».

Конечно, все это время, проведенное мною за колючей проволокой, можно было бы вычеркнуть из моей жизни. Да и чем можно было бы оправдать все те годы, которые я, грешный, нахожусь в неволе среди унижений, страшных камер, и тем более зная, что тюрьма – это последнее мое земное пристанище!

Но если на все это смотреть верующему человеку, который принял Иисуса Христа в свое сердце, то ты понимаешь, что все это не так! Господь дал мне, грешному, свободу, Он очистил мое сердце и открыл мне глаза, и даже находясь в тюрьме, я теперь свободен!

Неверующие люди воспринимают духовную свободу, прежде всего, как комплекс разных ограничений. Такое отношение к вере исходит от плотской природы. Плоть понимает, что Бог запрещает многое из того, что ей хочется. И вместе с этим возлагает на человека обязанности, исполнять которые плотская природа не хочет. Все это пугает человека, и он боится лишиться той свободы, которую, как он думает, имеет, не осознавая того, что он находится в рабстве греха. А ведь истинную свободу нам дает только Бог!

Господь Иисус Христос учит: «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8.31-32). В этих словах открывается свобода и путь к ней. Ведь пребывать в слове Божиим – это пребывать в состоянии, к которому призывает нас, грешных, Слово Божие. Каждый человек, который принял в свое сердце Иисуса Христа, на вопрос: «что тебе дал Бог? И что тебе дает твоя вера?» – может сказать: «Господь дает мне, грешному, шанс на спасение и Он дал мне свободу!».

Я, грешный, молюсь и благодарю Господа

за все Его милости. Дорогие братья и сестры, очень вас прошу – помолитесь обо всех нас, ведь молитва – дороже золота, и мы очень нуждаемся в ней. Господи, дай нам сил, терпения и мудрости доплыть до желанного берега...

В 2009 году меня парализовало на правую сторону, но слава за все Господу! Меня немного отпустило, и я уже могу немножко ходить, правда с палочкой – но все же. Я, грешный, уверен, что это заслуга именно Господа. Если Он не дал мне умереть, значит у Него на меня Свои планы.

Дорогие братья и сестры, у нас изменился адрес: Вологодская обл., Белозерский р-н, КХУ-5, остров «Огненный», д. 16, Аркатову Владимиру Николаевичу. С радостью в своем сердце отвечу.

Хочу написать вам одно из своих стихотворений:

Среди болот в тайге на озере
Клочок земли вдали лежит.
Во мраке сером как чистилище
На острове тюрьма стоит.
Кругом вода и небо в клеточку
Да солнце видно лишь с утра,
От крика чаек, света Божьего
Защемит сердце, заболит душа.
В сырых и темных, мрачных камерах
Все осужденные сидят,
Отвергнуты людьми и обществом
В последний путь уйти хотят.
И за засовами железными
Обратной уж дороги нет!
Лишь сквозь решетку серой камеры
Проникнет утренний рассвет.
Среди обмана, лицемерия,
Кругом здесь сети сатаны.
Найти хотят здесь все забвения
Своей измученной души.
Лишь в сновиденьях мимолетных
Ты видишь радостные сны.
Душа становится свободной
И нет здесь рядом сатаны.
Но просыпаясь, понимаешь,
Что это был всего лишь сон.
И смех, и радость – все иллюзия
Уйдет все с солнечным лучом.
Надежды нет! Вся жизнь изломана.
Ты волком воешь взаперти.
Лишь только в Боге и покайся
Спасенье сможешь ты найти.

**Остаюсь с молитвой о вас всех
и любовью о Боге, р.Б. Владимир**

Фото Юлиан-Савваитовской и Курляндской епархии

Советское и постсоветское в современной церковной культуре: образ пастыря, свидетельство, служение

Предлагаем вашему вниманию доклад, представленный на Мневских чтениях 10 сентября 2011 года. Он посвящен вопросам современной церковной жизни.

Некоторое время назад я с удивлением заметил, что мне очень нравится рассматривать фотографии отца Александра Меня. И это не любопытство. Это пристальное вглядывание, это желание разглядеть что-то, что давно пропало в лицах людей, которые окружают нас в повседневной жизни.

Фотографии отца Александра зовут к размышлению о том, что есть человек,

**§ Сергей Чапнин,
ответственный редактор
«Журнала Московской Патриархии»**

каково его предназначение, откуда и как в образе человека проявляются глубина, цельность, сосредоточенность и в то же время простота, легкость, вдохновение. Каков он, внутренний, сокровенный

мир этого человека, который так красиво, так ярко, так убедительно проявляется в любой, даже среднего качества любительской фотографии?

Когда я смотрю на фотографии отца Александра, я вглядываюсь и в Церковь. Какой же она была тогда, когда в ней были такие люди? Почему меня не покидает ощущение, что сегодня Церковь другая? Она другая не только в каких-то внешних своих проявлениях, не только в том, что обусловлено модой или предпочтениями современ-

Те, кто сегодня провозглашает себя наследником тех или иных «катакомб» – а это преимущественно различные раскольнические группы – никакого отношения к катакомбам XX века и этой церковной культуре не имеют.

ного человека. Что же с нами произошло за последние 20 лет?

Мой ответ – и это, безусловно, лишь один из возможных ответов – я бы сформулировал так: именно в последние 20 лет в церковную культуру не просто проникли, а проникли и в ней укоренились многие элементы советской и постсоветской культуры. И это не нейтральные элементы, они складываются в новое явление, которое я называю постсоветская гражданская религия.

Другими словами, секуляризация в России имеет свои особые формы, связанные с нашим коммунистическим прошлым.

Но почему реванш советского и постсоветского состоялся именно сейчас? Почему, например, отец Александр Мень мог спокойно и последовательно противостоять советскому? Говоря о противостоянии, я не имею в виду диссидентство, какую-либо политическую или идеологическую борьбу. Речь идет о том, чтобы не пускать советское внутрь себя, о духовном и нравственном противостоянии. Но где и как о. Александр мог этому научиться? Кто был ему примером?

Думаю, ответ кроется в том, что в начале XXI века значение церковного подполья (и в некотором смысле – церковного сопротивления) в нашей церковной истории остается невыявленным, нераскрытым. Нелегальные церковные общины и неболь-

шие «кружки», сложившиеся вокруг священников и монахов, находившихся на нелегальном или, точнее, полулегальном положении, как оказалось, играли в Церкви значительно более важную роль, чем следует из большинства нынешних книг по истории Церкви. Воспитанная в этих общинах и кружках молодежь сумела сохранить свой, отличный от официального православия образ Церкви. Впоследствии, по мере того, как «нелегалы» старшего поколения уходили в мир иной, катакомбная Церковь и катакомбная церковная культура фактически исчезли. Но никакой замены им не возникло. Лишь те, кто лично общались с ними, смогли в некоторой мере продолжить их служение, сохранить их опыт. Однако сегодня и этих людей уже нет с нами.

Те, кто сегодня провозглашает себя наследником тех или иных «катакомб» – а это преимущественно различные раскольнические группы – никакого отношения к катакомбам XX века и этой церковной культуре не имеют.

Свидетельств о церковных катакомбах немало, они описаны не раз и в научной литературе. Но возвращаясь к этой теме в докладе, я хотел бы обратиться прежде всего к опыту христианской жизни в условиях гонений, продолжавшихся многие десятилетия.

Отмечу одно из достоинств тех людей, ту очевидную христианскую добродетель, которая практически не встречается в наши дни – умение «не пускать» жизнь государства в свою собственную жизнь, умение жить «без государства». На современном языке это можно назвать глубоким и ясным чувством приватности.

Сегодня в Церкви оно практически утрачено. Слова о том, что христиане – это «граждане неба», воспринимаются сегодня исключительно как метафора. Все живут именно в государстве, что-то от него непременно ждут, переживают и нервничают, когда от государства чего-то не получают. Так выросло уже целое поколение православных, которые иной формы бытия Церкви в государстве уже и не знают.

Одновременно – как добрый ответный шаг в сторону государства – Церковь берет на себя обязательства по идейному «сопровождению» нынешней российской госу-

дарственности. И это значит, что и в этом докладе о состоянии государства необходимо сказать несколько слов.

Постсоветская гражданская религия

О тревоге, связанной с тем, что Россия погружается в мрак исторического невежества, говорилось уже не раз.

Разговоры про нашу идентичность, патриотизм и восточно-православную цивилизацию никаких плодов за последние два десятилетия не принесли.

Реальный нерв нашего времени находится где-то в другом месте, и я полагаю, что точкой отсчета в этом разговоре должен стать тезис о том, что Россия находится в постимперском состоянии. Даже двадцать лет спустя мы не можем равнодушно говорить о распаде Советского Союза. Меньше месяца назад отмечалось 20-летие ГКЧП и последующего распада СССР. Из этого было сделано огромное медийное событие, и постоянно звучали ностальгические нотки. Переживание распада СССР как трагедии, до сих пор не утратившей своей актуальности, говорит о многом.

Прежде всего о том, что мы родом из этого самого СССР. Октябрьский переворот, судьбы дореволюционной исторической России нас волнуют значительно меньше. Однако мы по-прежнему хотим называть наш мир русским. Мы хотим говорить о русском народе и русской культуре.

Между тем, всё это уже давно советское или, точнее, постсоветское. И это не «замороженное» постсоветское двадцатилетней давности, а активно развивающееся. Я убежден, что мы используем неверные понятия для описания окружающей нас реальности. И отсутствие результата во многом обусловлено этой странной двойственностью.

Ценности постсоветской культуры весьма противоречивы и не складываются в единую картину. Эти внутренние противоречия привели к тому, что мы утратили способность говорить о себе, о предках, друг о друге положительно, создавать убедительные и привлекательные образы.

Мы уже давно не говорим положительно о власти, а если эти слова и звучат, то очень фальшиво.

Во всяком созданном сегодня образе есть подвох – или что-то идеологически не-

приемлемое, или издевательское, или картонно-пластмассовое.

Ни в высокой культуре, ни в массовой, ни в современной церковной культуре нет положительного образа современной России. Складывается стойкое впечатление, что мы сами себе не нравимся и друг друга не уважаем. Кому и как мы в такой ситуации можем помочь?

Цельный образ настоящего отсутствует. Образ прошлого мифологизирован, в нем есть проявленное героическое и табуированное трагическое. Нет и ясного образа нашего будущего.

О воцерковлении

Православные в России сегодня испытывают серьезные трудности с определением «кто же мы такие?» И как следствие – порой сознательно, а порой и неосознанно – ведут поиск новых понятий и определений.

Язык очень чутко реагирует на сложившиеся в церковной практике реалии. В частности, весьма существенной является новая самоидентификация членов Церкви, которая возникла в последние годы. Я имею в виду термин «воцерковленный», который сегодня достаточно широко используется для определения «качества веры».

Действительно, прежние определения уже «не работают» так, как прежде. Крещеных много (крестят сегодня всех подряд и нередко без всякого оглашения), но большинство из них не молятся, не веруют во Христа как Спасителя. Христианин в XX веке стало очень размытой идентификацией, за которой могут скрываться не только члены Православной Церкви, но и представители других деноминаций, и даже сектанты. Православный – в контексте распространенной концепции «русский, значит, православный» – также мало говорит о «качестве веры» (среди сторонников такого подхода есть и «православные атеисты», и «православные коммунисты»).

Однако и воцерковленный – сложное понятие и с точки зрения современных церковных практик не такое однозначное, как может показаться на первый взгляд.

Опыт христианской жизни не исчерпывается «воцерковлением» в узком смысле этого слова, то есть ознакомлением с нравственными установками, церковными пра-

вилами и строим богослужбной жизни. Опыт «церковной жизни» без богообщения и богопознания ограничивает человека, не ведет его к свободе во Христе и в конечном итоге лишает возможности увидеть и осознать цель христианской жизни.

Можно говорить о том, что термин «воцерковленный» имеет скорее бытовые и идеологические коннотации. Он никак не соотносится с качеством веры, обозначая формальную принадлежность к церковной или околоцерковной субкультуре. Если примерить это понятие к православным христианам, скажем, середины XX века, то окажется, что многие из них этим критериям не отвечали [1].

И тем не менее понятие «воцерковленный» восходит к понятию «Церкви», к нашим представлениям о том, что есть подлинная, истинная Церковь. Соответственно, искажение этого понятия ведет к искажению представления о Церкви, возникает ложная экклезиология, в которой место Христа может занять сама Церковь, став самодостаточной и жестко иерархической структурой.

Не страшно, если поиск наших корней соединяется с устремлением вперед, в будущее, в вечность. Какие слова будут выбраны не так важно. Сам Спаситель не считал нужным как-то по-особенному называть Своих учеников. Будем помнить, что на страницах Евангелия мы не встретим ни одного из весьма распространенных сегодня слов. Ни «православный», ни «крещеный», ни «воцерковленный» не используется ни разу. Лишь одно из них – христиане – несколько раз встречается в Деяниях Апостолов и Апостольских посланиях (Деян. 11, 26; 1 Пет. 4, 16), то есть уже после Вознесения Господня.

Господь говорил иначе, для Него важнее было указать не на форму, а на содержание, на качество связи учеников и учителя: По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин. 13, 35).

Точно ли мы видим, как эта заповедь любви стала содержанием жизни многих мучеников и исповедников XX века? Вдохновляет ли нас их пример? На этот вопрос не нужен формальный ответ. Наша жизнь будет на него ответом.

Интеллигенция в Церкви

Последние 15 лет парадоксальным образом сосуществуют две взаимоисключающие тенденции:

то, что мы привычно называем церковным возрождением;

и то, что можно назвать маргинализацией православия в современной общественной жизни.

У современного общества высокая динамика – социальные, экономические и политические перемены происходят стремительно. Описать эти перемены с христианской точки зрения затруднительно. И тем не менее достаточно убедительный христианский взгляд на общество и общественный идеал был сконструирован небольшой группой духовенства и мирян и воплотился в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви. Это была важная попытка оторваться от советского прошлого, от интерпретаций и подходов, которые были характерны для советской эпохи, с одной стороны, и для сектантского взгляда полного неприятия государства и общества, с другой.

Однако сегодня следует признать, что в целом этот документ не вызвал интереса ни у духовенства, ни у мирян. Будучи формально позицией Церкви, эти взгляды не вошли в церковную жизнь, не стали органичной частью современного православного мировоззрения.

Можно ли утверждать, что сегодня интересы статистического «церковного большинства» направлены в другую сторону? Ответить следует утвердительно. В интернет-журнале «Татьянин день» этот вектор недавно назвали весьма метко: «непричесанное лицо народного православия» [2]. Судя по контексту и по отзывам читателей, ничего шуточного в этом наименовании нет.

Среди характерных черт такого «народного православия» – призывы к народному покаянию (прежде всего в грехе цареубийства), почитание тех, кто не может быть прославлен Церковью (например, «отрока Славика»), алармистская эсхатология, основанная на пророчествах неизвестных старцев.

Новый ли это феномен? Нет, и в прежние времена этот комплекс идей был вполне известен, хотя проявлялся немного иначе.

Однако прежде этим взглядам был противопоставлен иной образ Православия. Вместо агрессии – евангельское смирение, вместо пикетов – храм и участие в богослужении, вместо листовок – духовная литература, вместо лозунгов и страшилок – серьезный и вдумчивый разговор.

Чем же отличается наше время? Тем, что «народное православие» оккупировало непропорционально большую территорию как в географическом, так и в духовном смысле. Когда заходит речь о церковном мракобесии [3] или маргинализации Русского Православия, подразумевается именно «народное православие», причем нередко оно воспринимается как единственная форма Православия.

О масштабах этой проблемы говорит тот факт, что миряне и даже священники с какой-то обреченностью говорят о проблеме маргинализации православия в современной общественной жизни [4]. Позиция такая: нам из этого уже не выкарабкаться.

Говоря о том, что мы можем сделать, один известный московский протоиерей как-то обреченно заметил: «Что-то мы можем сделать, думается, хотя бы называя вещи своими именами. Хоть иногда».

Есть и еще одно свидетельство о радикальном смещении центра тяжести. Если в Церкви побеждает «народное православие», то вторая группа – также с некоторой долей условности назовем ее «православная интеллигенция» – не может не оказаться под давлением.

Очень характерно выглядит реплика Владимира Гурболикова в состоявшейся дискуссии:

«Постепенно уходит в прошлое время, когда прав был о.Кураев, говоря о «Церкви интеллигенции». В храмы пошли другие люди... Политизированная интеллигенция привносила в церковную жизнь дух политики и партийности. Не-интеллигентные люди будут «тащить» за плечами дух язычества и сектантства. И то, и другое – дурно».

Высказывание о «политизированной интеллигенции» оказалось без доказательств. О какой «политизированности» можно говорить, когда мы вспоминаем Николая Еврафовича Пестова, Анатолия Васильевича Ведерникова, Сергея Сергеевича Аверинцева, протопресвитера Виталия Борового,

протоиереев Всеволода Шпиллера, Глеба Каледу и многих-многих других? Ныне здравствующих перечислять не буду.

Однако это высказывание верно высветило тенденцию: культурные и образованные члены Церкви находятся под подозрением, им не доверяют. Вера в соединении с разумом является самой серьезной угрозой для тех, кто православной вере предпочитает обряды, мифы и православную идеологию. А таких сегодня, увы, большинство.

Память об о. Александре Мене и судьба его наследия во многом оказались жертвами новой волны «народного православия». Рядом оказались митр. Антоний Сурожский, прот. Александр Шмеман и многие другие.

Вчера в новостях прошло сообщение о том, что Михаил Александрович Мень объявил о возможности распространения книг о. Александра в книжных лавках. Какая разнообразная реакция зазвучала в интернете! В том числе очень ясно звучали и та-

Чем же отличается наше время? Тем, что «народное православие» оккупировало непропорционально большую территорию как в географическом, так и в духовном смысле.

кие голоса: «он не наш», «книги о. Александра – это кладезь ересей» и т.п.

Безусловно, интеллигенция – не идеальное сообщество. Среди интеллигентов есть разные люди, как есть разные люди среди, например, приходского духовенства, среди монашествующих и даже среди епископата. Будем ли мы судить о них по лучшим или по худшим примерам? Я бы предпочел первое. Однако, как ни странно, нередко приходится сталкиваться с тем, что о духовенстве будут судить по лучшим, а об интеллигенции по худшим.

Есть в этом какое-то лицемерие. Впрочем, мотив понятен: осуждая интеллигенцию, делая из нее козла отпущения, можно оправдать всех прочих. И здесь я бы хотел сказать несколько резких слов в адрес духовенства. Полагаю, что они вполне оправданы.

10-15 лет назад время вывело на первый план новый тип священника – неопита-кадилмахателя, для которого нет никакой

связи между задачей крестить и задачей научить. Заповедь Спасителя «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28, 19) на долгие годы оказалась практически забыта.

Такой священник не способен создать приходскую общину, не способен быть духовником. Интересы прихожан ему глубоко безразличны. Более того, его мало интересуют проблемы духовной жизни.

Исчезнет ли этот тип сегодня, когда задачи катехизации названы приоритетными? Пока сказать трудно. Развитие программ катехизации, особенно на приходском уровне, нередко встречает непонимание со стороны тех, кто хочет креститься, и отчаянное сопротивление со стороны части духовенства и даже отдельных представителей епископата.

Круг мирян, которые способны и желают заниматься катехизацией и готовы помогать духовенству в решении миссионерских задач, по-прежнему крайне узок. Конечно, в абсолютных цифрах он значительно больше, чем 10-15 лет назад, но и потребности возросли значительно в связи с открытием тысяч новых приходов.

Из этого с неизбежностью следует, что поддержка православной интеллигенции – это одна из стратегических задач Церкви. Без интеллигенции не будут решены ни миссионерские задачи, ни задачи, связанные с религиозным образованием и развитием церковной науки, ни задачи активного и эффективного присутствия Церкви в общественной жизни.

* * *

Наконец, последний вопрос: какое всё вышесказанное имеет отношение к теме нашей конференции: «Помощь ближним во имя Христово»?

Надеюсь, это все-таки очевидно. Мы привычно сузили тему помощи до благотворительности и социальных проектов – до тех рамок, которые определило современное секулярное общество. Да, безусловно, важно помочь человеку в страдании и нужде, поддержать его и по возможности укрепить.

Однако главная помощь – это помочь ближнему узнать и полюбить Имя Христово, то Имя, Которым мы призваны спастись.

И здесь разговор о подменах и искушениях всегда будет важным, животрепещущим.

Примечания.

[1] Среди них будут не только Борис Пастернак и Анна Ахматова, но и епископ Киприан (Зернов), и монахиня Мария (Скобцова), и многие другие.

[2] <http://www.taday.ru/text/1187682.html>

[3] «Правда же эта заключается в том, что церковь в сегодняшней России – предсказуемая и ревностная союзница всего наиболее темного и косного; что церковь – тень государства, и в этой тени его художествам особенно вольготно; что современное российское богословие, по крайней мере официальное, безнадежно отстало от времени и от реальных нужд паствы». (Д. Быков. Толоконные лбы. <http://www.snob.ru/profile/14315/blog/40331>)

«Будущее России я вижу на пути преодоления необразованности, догматизма и мракобесия... Пришло время возразить против насаждения в преимущественно атеистической стране примитивной религиозности, которая стала в наши дни масштабным бизнес-проектом. Попам не место в школах, армии и государственных учреждениях». (Цит. по http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/264950/liberalizm_plyus_ateizm)

[4] <http://www.facebook.com/chapnin/posts/267176193312318>

Русская духовная традиция и культура современной России

Перспективы движения как мирового сообщества в целом, так и России расплывчаты, туманны и неопределенны, но реалии рыночно-либерального вектора влияния налицо. Россия стоит перед угрозой потери экономической, политической, культурной, духовной самостоятельности, если уже их не потеряла.

Мы живем в эпоху, когда современное мировое сообщество переживает системный финансово-экономический кризис, а Россия пребывает в затяжном кризисе бесперспективного преобразования социалистической системы общественного производства в капиталистическую, основанную на либерально-рыночной идеологии. Этот период можно называть по-разному: переструктурированием старого и созданием нового мирового экономического и идеологического порядка, культурно-цивилизационной трансформацией или сломом, системным кризисом, управляемым хаосом, но ясно, что динамика мировых процессов ускоряется. Перспективы движения как мирового сообщества в целом,

**§ Марина Ширманова,
к.ф.н., доцент кафедры теологии
социально-теологического факультета
НИУ «БелГУ»**

так и России расплывчаты, туманны и неопределенны, но реалии рыночно-либерального вектора влияния налицо. Россия стоит перед угрозой потери экономической, политической, культурной, духовной самостоятельности, если уже их не потеряла. Российское общество в целом и каждый россиянин в отдельности стоят перед необходимостью осознания, выбора и сохранения своей духовно-ценностной ориентации и культурно-национальной идентичности.

1. Становление культурного пространства современной России: тенденции и противоречия

Смена ценностно-идеологической парадигмы постсоветской России и переход её общественной жизни на ценности и принципы рыночно-капиталистического производства, становление культурного пространства России на новых ценностно-идейных основаниях обуславливают необходимость осознания основ культурной идентичности России и сохранения традиции культурно-цивилизационной преемственности обновляющегося российского общества.

Рассматривая содержание и тенденции становления культурного пространства современной России, следует указать на его основные тенденции: это подчинение культуры России стандартам западной цивилизации и либерально-рыночной идеологии и возможность её развития на основе сохранения и возрождения традиционных для России ценностей, искони принимаемых и чтимых народами России. Традиционные ценности культуры России основываются в первую очередь на религиозных духовных ценностях, ценностях и идеях Православия и русской культуры, которыми искони жил и живёт русский народ – самый многочисленный и государствообразующий народ России. Направленность развития культуры России в будущем будет определяться многими факторами, и прежде всего тем, кто станет в России субъектом социальных преобразований, берущим на себя ответственность за судьбу и будущее России. В отсутствие ясно выраженной и сформулированной национальной идеи России, либеральная идеология современного российского государства основывается и строится на идеях и принципах рыночной экономики, многонациональности и поликонфессиональности российского общества, что ведёт к появлению идей формирования гражданской российской нации и русского языка. Идея создания так называемой гражданской российской нации предполагает замену межнационального общения граждан России с доминирующей ролью русской культуры и русского языка внешне-

нальным. Это создаёт угрозу для существования и развития национальных культур народов России, и особенно русской культуры, которая может быть принесена в жертву общественно-политическому и культурному единству России. Вместо традиционных духовных ценностей культуре России могут быть навязаны либерально-рыночные идеологические ценности политкорректности, толерантности и плюрализма как универсальные и единственно возможные при условии отказа от традиционных абсолютных истинных ценностей.

2. Понятие и природа либерально-рыночной идеологии

Культура современной России развивается под знаком “постмодерна”. Главной идеей и ценностью “постмодернизма” является утверждение и принятие “радикальной множественности” во взглядах. Эта множественность – не синтез, а эклектическое сочетание разнородных элементов, стирающее грани между разнокачественными и разноценными, а зачастую и взаимоисключающими явлениями. Постмодернизм – это особый тип мировоззрения, направленный на отказ от всех традиционных норм и ценностей, от установления абсолютных истин, ориентированный на безудержный плюрализм, признающий духовно равноценными любые культурные проявления, в том числе несовместимые и взаимно исключающие друг друга. В самой основе идей постмодернизма происходит деиерархизация культуры, основанная на отказе от истинных ценностей и уравнивании их с ценностями низшего ранга. Это достигается за счёт маскировки примитивного биологически и прагматически ориентированного содержания либеральных ценностей, подменой смысла понятий, выражающих истинные, живые, традиционные ценности, заимствованием слов, традиционно выражающих истинные ценности, для обозначения чуждых и противоположных им реалий. В современной российской так называемой инновационной культуре, декларирующей замену старого новым как высшую и самодостаточную ценность, соединяются различные, по большей части противоположные и вза-

исключающие ценности и ориентации: демократия и авторитаризм, соборность и индивидуализм, эгоизм, государственность и анархия, толерантность и нетерпимость, требование политкорректности и беспочвенные обвинения патриотов России в экстремизме, фашизме и т. п.

Либеральные ценности и принципы политкорректности, толерантности и плюрализма утверждаются в идеологии современного российского государства в рамках и на основании идеологии глобализма, распространяющейся по земному шару. Глобализация характеризует одно из направлений общественного развития в современную эпоху. Глобализм, направленный на создание нового мирового порядка, является попыткой построения новой, глобальной мировой империи, стремлением объединить все человечество в единое всемирное государство – управляемую из одного центра единую (глобальную) систему материального производства, обмена и распределения благ на основании мировоззренческих ценностей гедонизма, гуманизма, и рыночного либерализма, которые все больше приобретают характер идеологии. В отличие от просто мировоззрения, идеология представляет систему ценностей, идей, принципов, взглядов, которая силой государственной пропагандистской машины и других средств манипуляции сознанием навязывается подвластному населению по мотивам удобства управления его жизнедеятельностью в интересах субъекта управления и манипуляции. Под видом обещания всеобщего земного счастья, свободы, благополучия, благоденствия, комфорта и безопасности либерально-рыночная идеология глобализма стремится установить тотальное господство его субъектов над населением земного шара путем эксплуатации страстей, алчности и страха, которые властвуют над человеком, не кающемся в грехе. В глобализме следует различать экономический, политический, моральный, мировоззренческий, идеологический и религиозный аспекты.

3. Либерализм – идеология бездарности

В духовном плане либерально-рыночная идеология глобализма, прикрываясь идеями

и ценностями объединения человечества в единое мировое сообщество, мировое гражданское общество, готова пожертвовать духовной свободой, здравым смыслом, самобытностью и самодеятельностью, национальной идентичностью и укорененностью личности и народов ради так называемого всеобщего благополучия, комфорта, безопасности, сытости в мировом государстве, а на самом деле ради властолюбия и алчности внациональных центров влияния и власти.

В рамках глобализационного проекта создается новое ценностно-смысловое поле уже мировой, внациональной глобальной культуры. Оно направлено в первую очередь на то, чтобы заменить в сознании личности традиционные ценности родины, отчизны, семьи, здравого смысла, духовной свободы, самобытности, самодеятельности и ответственности, тысячелетиями создаваемые традицией органической жизнедеятельности человечества и хранимые национальными языками, мировыми религиями, на либерально-рыночные идеи и ценности, представляющие человека бездарно-бесславным существом. Сущность этих идей и ценностей состоит в том, что они призваны обеспечить систему эффективного управления денационализированным обществом путём понижения человеческого достоинства, низведением человека до *бездарного, бессильного, безблагодатного, безликого послушного внешней воле* инстинктивно-биологического существа, чья жизнедеятельность подчинена принципам выживания, приспособления к среде обитания и удовольствия любой ценой.

Эти ценности внедряются в сознание людей в первую очередь при помощи СМИ, Интернета, школьного образования и соответствующих методов манипуляции сознанием, технологий экономического и государственного управления. Внедрение этих потребительских гедонистических и прагматических ценностей идеологии нового мирового порядка в виде верований, установок, ожиданий и оценок в сознание и бессознательное человека превращает его в объект управления и манипуляции безликой анонимной либеральной диктатурой в интересах властолюбия и сребролюбия входящих в неё индивидов, в интересах эффективного функционирования мирового рынка.

Превращение живой личности в *безликое бездарно-бесславное* существо достигается в первую очередь через разрушение национальных языков и создание так называемого языка вненационального общения, в случае России – русского языка. Главной целью создания и навязывания этого языка является разрыв живой человеческой личности с её культурными и национальными корнями, подавление её культурно-национального самосознания и подмену идентичности, стирание различий между истинным добром и злом, уравнивание их перед лицом “Плюрализма”, “Толерантности” и “Политкорректности” – идиолог новой мировой религии и средств тотального духовного насилия над

Превращение живой личности в безликое бездарно-бесславное существо достигается в первую очередь через разрушение национальных языков и создание так называемого языка вненационального общения, в случае России – русского языка.

совестью, разумом и здравым смыслом людей. Формирующаяся лексика языка власти либерально-рыночной идеологии через переоценку реалий жизни и переозначение старых слов, маскировку их новых бесславно-бездарных значений и смыслов направлена на устранение возможности разумного осознания различий между истинным добром и злом, достойным и недостойным, здоровым и больным.

В России происходит замена традиционного для русской культуры духовно-нравственного смысла понятий истина, свобода, добро, милосердие, сострадание, понимание, творчество, выражающих высшие истинные религиозные ценности, закон и правду жизни на смыслы рыночно-либерально-толерантно-креативно-политкорректно-плюралистические, выражающие гедонистическую и прагматическую ценностную ориентацию, отчуждающую человека от живых онтологических оснований его личностного бытия. Свобода от греха и страстей – становится свободой от совести и духовного достоинства и вседозволенностью

инстинкта и алчности, добро – это уже не жизнь в Истине Христовой, а равнодушие ко злу, невидение, непонимание его природы, отсутствие активного и сознательного сопротивления злу как греху.

Из традиционно сложившегося в русской духовной культуре смыслового содержания концептов истины, свободы, добра, вымываются их смыслообразующие основания: любовь, благодать, милосердие, сострадание, духовная свобода как бесстрашие, бескорыстие и бесстрашие, безусловная радость и полнота жизни как норма и подлинное добро, высшее благо человеческого бытия. На их место внедряются новые смыслы, выражающие не живое православно-онтологическое, а так называемое гуманистическое, либеральное содержание, которое не осознает властолюбия, алчности и гордости как зла и греха и считает их нормой душевной жизни человека. Это связано с непониманием подлинной природы зла как греха и переводит осмысление и понимание зла в область обменных, товарно-денежных, правовых, моральных отношений людей. Характерное для русской духовной культуры органическое, по аналогии с ростом живых организмов понимание жизни, заменяется мертвым бездарным рыночно-юридически-правовым схематичным пониманием по аналогии с экономическим и государственным механизмами, предназначенными для регулирования жизни людей лишь как субъектов экономического производства, обмена, распределения, права, политики всемирного государства.

Манипулятивными механизмами СМИ и государственной пропаганды внедряется запрет на использование слов *фашизм, тоталитаризм, экстремизм, расизм* для характеристики так называемых либеральных субъектов идеологии, культуры, политики, экономики, права, которые сами используют эти слова, как им заблагорассудится. Истинные смыслы этих слов затушевываются, сознательно маскируются и искажаются. Само их употребление приобретает пропагандистский, ругательный, оскорбительно-репрессивный, бранный смысл слов, предназначенных не для общения и понимания, а для брани, слов, используемых в войне с врагом в целях его устрашения – подавле-

ния воли и разума тех, против кого направлена агрессия, заложенная в эти слова.

Другим способом разрушения ценностно-смыслового поля традиционной культуры является внедрение в национальный язык слов новых, абстрактных, лишенных образных и ценностно-смысловых ассоциаций, наполненных новым ценностно-нравственным содержанием традиционной культуры. Например, вместо слов *наёмный убийца, проститутка, спекулянт, ростовщик* в обиход внедряются слова *киллер, путана, посредник, кредитор*, в которых смысл нравственного порицания заменяется на нейтрально-толерантно-политкорректный. Слова *понимание, милосердие* и *сострадание* подменяется словами *толерантность* и *политкорректность*. Слово *толерантность* в истинном смысле означает утрату живым организмом способности иммунного сопротивления инородным телам, а в идеологическом контексте употребления этого слова – равнодушие ко злу, отказ от придания ему статуса зла, греха, болезни. Слова *понимание, тактичность, терпимость*, означающие основанное на сострадании и милосердии отношение к человеку как единственному с другим человеческому существу, заменяются словами *политкорректность, толерантность*, затрудняющими осмысление и понимание истоков и причин обидчивости и неуравновешенности людей, принуждающими закрывать глаза на их духовное и душевное нездоровье и принимать его как норму.

В ценностно-смысловом поле рыночного либерально-тоталитарного сознания полностью утрачивается связь с онтологическими живыми основаниями личного бытия человека, дух и сознание человека утрачивают идею и образ Бога Живого и приводятся в поклонение идолам “Денег”, “Успеха”, “Удачи”, “Плюрализма”, “Толерантности” и “Политкорректности”, проще – прагматизму и сластолюбию. Происходит *обезбоживание, обезличивание и обессиливание* человека как существа духовного и понижение его достоинства до биологически-инстинктивного существа. Живая свободная вера и жизнь чистого от страстей сердца, питаемая благодатью Святого Духа, подавляются и искажаются ради голых рассудочных схем, коренящих-

ся во властолюбивом и сребролюбивом сердце идеологов глобализма и внедряемых в сознание населения, обретающего тем самым статус биомассы, запрограммированной интересами и потребностями, законами рыночно-торгашеской экономики. Зло выдается за добро, под добром понимаются выгода, польза, комфорт, удовольствие, удовлетворённость, алчность и властолюбие представляются двигателями прогресса, вседозволенность сластолюбия, властолюбия и сребролюбия за свободу личности. Грех становится нормой жизни.

Как указывалось выше, главным смыслом и целью этой подмены традиционных и маскировки реального бездарного содержания новых ценностей является необходимость сломать традиционную духовную и национальную идентичность и встроить сознание, волю, поведение человека в систему глобальной мировой экономики. Для этого необходимо разрушить внутреннюю свободу, духовное равновесие и здравый смысл личности, подавить её способность самоопределения, самодеятельности, самоорганизации и самообладания, сузить горизонты её мысли, воли, совести и ответственности. Реализации этих целей служат специальные манипулятивные технологии, которые направлены на превращение людей в бездумных агентов товарно-денежных отношений во всех сферах жизнедеятельности человека, в покорно-безропотных исполнителей воли либерально-рыночного государства, всё более принимающей характер тотальной диктатуры.

Лишенный сознательной связи со своими живыми национальными, религиозными, культурными корнями и духовной традицией, атомизированный член денационализованного гражданского общества становится беззащитным общечеловеком. Он остается в одиночестве перед лицом своих инстинктов, страхов, греха, страстей, предрассудков, манипулятивных технологий бездарно-торгашеской диктатуры “золотого тельца”, культивирующей и эксплуатирующей духовную слабость и греховность человека для установления омрачающей его сознание и разум и подавляющей волю к подлинной духовной свободе тотальной власти либерально-рыночной идеологии.

4. Проблема духовной самобытности и самостоятельности России

В условиях становящейся все более реальной угрозы тотального бездарно-торгашеского либерализма каждым русским человеком, каждым гражданином России особенно остро и отчетливо осознаётся необходимость личной ответственности за свою судьбу и за судьбу своих детей, страны в той степени, в какой от них что-то действительно зависит. Каждый человек остро ощущает необходимость строить свою жизнь на твердом и надежном фундаменте правой веры и здравого смысла, самостоятельного критического мышления, неподвластных политическим, идеологическим и пропагандистским манипуляциям.

Для русских людей и русской культуры проблемы культурной и национальной самоидентификации стоят особенно остро, поскольку в течение 70 лет советской власти целенаправленно и планомерно разрушалась русская национальная духовная и культурная традиция. Подвергались сознательному подавлению и разрушению русское национальное, культурное и историческое самосознание, выхолащивалось истинное, живое содержание русского языка. Лживой атеистической тоталитарной идеологией разрушались, искажались и подменялись традиционные ценности русской духовной культуры, подрывались корни и основания национальной, культурно-исторической и духовной самоидентификации русских.

Это живое основание человеческой жизни невозможно обрести без веры в Бога Живого, в воплощенного Богочеловека Иисуса Христа.

Как христианство является ключом к пониманию и распрямлению двухтысячелетней европейской культуры, так Православие является ключом к творческому освоению культуры русской, условием приобщения к ее духовному опыту, духовным ценностям и культурной традиции. Православие образует духовное ядро русской культуры, является основой и ядром её духовной традиции, определяет ценнос-

тно-смысловое содержание и специфику, уникальность русской духовной культуры. Через онтологическое содержание русского языка Православие направляет и организует духовную жизнь, духовную культуру человека, мыслящего и молящегося на русском языке.

Часть II

Русская культура – культура дара

5 (1). Онтологические основания и содержание русского языка и русской культуры

По корням, истокам и основаниям русскую культуру можно определить как православную, в своей глубинной сущности неразрывно связанную с православным пониманием смысла и содержания духовного идеала, духовного совершенства, духовного блага, духовной жизни человека как жизни в славе Божией, в свободном, бескорыстном прославлении Бога-Троицы. Молитвенный духовный опыт соединения человека с Богом-Троицей, опыт богообщения и богопознания Православной Церкви освятил все стороны и проявления русской духовной культуры – от русского языка до русской философии. Усвоение православного понимания сущности, содержания и смысла духовной жизни и духовности человека раскрывает перед личностью возможности для духовного творческого принятия и хранения благодати, любви, радости через осознание живой силы духа творческой славы, открытой людям в ее полноте и свободе Иисусом Христом.

В этимологии многих слов русского языка и мыслительных форм русской культуры ярко проявляется и выражается духовный опыт Богопознания Православной Церкви – опыт приобщения человека к благодатной живой силе духа Божия и задаются пути осмысления и постижения этой духовной живой силы, способы приобщения к ней. Исследование и воссоздание глубинных источников и оснований смыслового содержания этих слов приводит к видению духовно-религиозных путей образования значений этих слов и ценностно-смыслового содержания соответствующих

концептов русской культуры, к пониманию роли православной веры и мировоззрения в этом процессе. Неразрывную связь духовного опыта постижения глубин сущностного бытия и образования онтологического содержания смыслов слов и мыслительных концептов русской культуры можно установить через теоретическое, созерцательное осмысление значений этих слов и идейного содержания концептов.

Онтологическое содержание смыслов слов и концептов русского языка придает молитвенный, созерцательный духовный опыт православной веры, основанный на ней опыт сознательной духовной жизни личности, опыт богопознания и духовного самопознания русского православного человека. Онтологическая, сущностная содержательность мыслительных концептов русского языка выработана многовековым религиозным молитвенным опытом русского народа, духовной жизнью личностей, его составляющих, духовной силой славы Божией, обретаемой этим опытом.

Онтологическое содержание концептов русского языка *Бог, личность, благо, добро, свобода, воля, дух, душа, вера, любовь, совесть, сердце, благодарность* и др. конституируется и строится идеями и живым духовным опытом Православия, опытом православной веры в то, что человек создан Богом – Духом – Любовью по образу и подобию своего Творца и является носителем божественных даров: залога вечной жизни творческой славы в ее свободе и полноте, дара совести – осознания и закона целостности и единства жизни людей, любви, разума, свободы самоопределения, дара творческой ответственности человека. Человек призван к общению со своим Творцом в благодати Святого Духа, к познанию, зрению своего Создателя чистым сердцем, к уподоблению ему в совершенной божественной любви и свободе. Вхождение человека в полноту жизни Святой Троицы есть высшая ценность православной и русской культуры, которая выражается словами “Слава Богу за всё!”, а также в духовно-онтологическом синонимичном значении слов *жизнь* и *благо*. Духовное, живое, истинное содержание смысла этих слов особенно ярко прослеживается в словах, содержащих корень “благо”, – *благодать, благодарение,*

благословение, благовестие, благоговение, благообразие, благочестие, благодать, благодущие, благодетельство и др.

Бестелесность, бесплотность Божественного бытия выражается словом *дух*, производным от слова *дыхание* – того, что есть, существует, но невидимо, бесплотно. Творение человека Богом осуществляется в творческом акте *вдохновения* – вдыхания, вдохновения в лицо человека дыхания жизни, силы духа божественной творческой славы (см.: Быт. 2, 7). Эта сила образует *сущностное*, данное Богом – абсолютно *сущим* бытием ядро человека как личности – существа, которое стоит лицом к лицу со своим Создателем.

В русском языке слово *личность* получает онтологический смысл, когда им обозначается человеческий индивид, являющийся носителем особых свойств и качеств, выражающих его духовное, высшее, богоподобное достоинство. Как личность человек призван к богообщению, богопознанию и богоуподоблению. Он наделен верой, совестью, разумом, чувством своего духовного, божественного достоинства, даром творческой ответственности за свое *благоустройство*, самосознанием и способностью познания своего Творца. Как личность человек обладает свободой выбора и свободой воли, способностью самостоятельности. Он может сам полагать и осуществлять цели своей деятельности – действовать не из внешних мотивов выгоды, пользы, удовольствия, страха принуждения, а из себя самого, находить цель и источник своей деятельности в себе самом, в своем сущностном ядре, определяемом Божественным Логосом. Как личность человек способен к свободной и разумной деятельности, соответствующей его высшему, богоподобному достоинству, к общению со своим Творцом.

Этимологически смысл слова *личность* связан со словом *лицо*. Через лицо человек связан со своим Творцом, лицом обращен к Нему в момент своего возникновения, через лицо получает от Него дар дыхания живой силы, творческой славы и становится “душою живою”, призванной к общению со своим Творцом. Лицом к лицу человек и его Творец предстоят друг другу в творческом общении и созерцании. Как личность человек является субъектом богообщения и

богоуподобления, поскольку только от Бога и в Боге он может приобрести те качества, которые делают его подлинно личностью – субъектом свободы и творческой ответственности, субъектом богообщения.

Живая сила духа божественной славы, которую человек получает в дар от своего Творца и которой приходит в бытие, составляет духовное содержание сущностного, или онтологического ядра его личности, предмет его религиозного духовного опыта и источник онтологического смыслообразования слов русского языка, эту духовную силу выражающих.

Сущностное, или онтологическое ядро человеческой личности выражается и обозначается словом *сердце*. Этимология слова *сердце* восходит к образам *центра, середины, ядра, сердечника* какого-либо предмета. Онтологический смысл слова *сердце* применительно к сущностному духовному ядру человеческой личности определяется благодатью – самобытной живой силой духа творческой славы, которая составляет это ядро, образует сущность человека, содержание жизни сердца. Сердце – это центр человеческого бытия, средоточие и источник духовной силы, или живой силы духа, главный орган богообщения и богопознания. Чистота сердца – главное условие зрения, видения Бога лицом к лицу (см.: Мф. 5, 8; 1 Кор. 13, 12).

Онтологический смысл слова *сердце* концентрирует и выражает религиозный духовный опыт молитвенного богопознания – опыт осознания сущностного ядра человеческой личности, наполненного живой силой творческой славы как середины, центра, основания его бытия. *Чистым сердцем* человек живет и прославляет своего Творца, познает Его, себя, других людей, сердцем живет, радуется, мыслит, тоскует. Сердце может быть *мудрым, зрячим, вещим, крепким, поющим* или, наоборот, *слепым, глухим, черствым, разбитым, мертвым*.

В сердце, или сущностном ядре человеческой личности хранится дар творческой славы, благодаря которому человек становится разумным существом, призванным к осознанию, хранению, видению и осмыслению этой благодатной жизни. Принимая дар божественной славы, человек становится *славным*, отвергая его – *бесславным*, ис-

пользуя не по назначению – *тщеславным*. Отвергаясь силы творческой славы, теряя веру в неё и волю к причастию ей, человек утрачивает видение образа Божия в своем сердце, становится *без-образным*. Его лицо лишается *благообразия* превращается в *личину* – маску, искаженное подобие лица, его имитацию. Человек *обезличивается*. Он перестает быть субъектом свободы, разумным субъектом творческой ответственности, осуществляющим свою деятельность в соответствии со своей духовной сущностью. Воля человека попадает под власть стихий тварного мира – он перестает быть субъектом своего творческого *духовного благоустроения*, становится простой вещью мира, включенной в цепь причинно-следственных связей и отношений, становится объектом внешних воздействий и манипуляций.

Онтологическое основание смыслообразования слов и концептов русского языка показывает, что свобода – это главное и естественное состояние субъекта языка. Способность человека быть субъектом свободы, личностью – самобытным, самодеятельным, ответственным субъектом творчества своего духовного бытия и своих поступков в русском языке выражается постфиксом “-ся”, который формирует возвратное значение глаголов, выражающих способность человека самому быть субъектом своих состояний, самому быть их причиной, а не пассивным объектом внешних воздействий. Например, такие глагольные формы как *успокаивать-ся, радоваться, расстраивать-ся, тревожиться-ся, бояться, пугаться, злиться* прямо указывают на тот факт, что не внешние обстоятельства являются причиной утраты равновесия, беспокойства, тревоги, испуга, боязни, злости, расстройства души (когда душа человека *разладилась*, он пребывает *не в духе, не в себе, вышел из себя, сошел с ума, потерял-ся*), а сам человек себя расстраивает, беспокоит, злит, поддается испугу, чего может и не делать, если захочет и настроит (*наладит*) свою волю к *равно – весию, миру, ладу равновесия* и духовной свободы от страха и страстей.

Возвратное значение глаголов выражает опыт духовной свободы и ответственности человека, его способность самодеятельности как способность действовать не из мотивов выгоды, пользы, удовольствия, а из себя

самого, из своей внутренней сущности, определяемой Божественной благодатью. Как субъект свободы и ответственности человек сам может быть субъектом своих состояний, обладать свободой воли, быть ничем тварным и никем не обусловленным, *вольным* в своих действиях, а не отдавать свою волю под власть внешних причин и обстоятельств. Быть вольным, независимым от внешних обстоятельств субъектом свободы, самостоятельно, самодеятельно реализовать свою сущностную свободу, пребывая в благодати самому являться источником и причиной своих действий и состояний, а не пассивным объектом внешних детерминаций, человек может только в духовном молитвенном опыте, чистым сердцем славя своего Творца.

Призвание человека к богоподобному совершенству в его свободе и любви в русском языке выражается словом и концептом *совесть*. Онтологическое содержание смысла слова *совесть* в русском языке бесспорно. Опыт совестного осознания и принятия человеком благодати – живой силы творческой славы, которая составляет его сущностное смыслообразующее ядро, наполняет сердце и *одухотворяет* человека, есть опыт богообщения и богопознания.

Этимология слова *со-весть* прямо указывает на выражаемое им *совместное ведание, знание*. В этом смысле значение слова *со-весть* совпадает со значением слова *со-знание*. В *со-вести* (*со-знании*) совмещены, соединены несколько вестей, знаний – знание о Творце и его воле относительно человека, знание о подлинном добре или благе богообщения, знание о недобром, недостойном – грехе, зле уклонения человеческой воли от воли Божией, знание человеком себя и знание закона и голоса Божия в своем сердце, знание смыслов, идей вещей и намерений, замыслов и желаемых, возможных результатов своих действий, знание духовного единства, единосущия всех людей. В совести человеку дан Творцом закон свободы – закон *бескорыстного благодарения*, прославления Бога как закон, путь сохранения вечной жизни, как образ богоподобного совершенства человека. Совесть направляет человека на реализацию его богоподобного достоинства, охраняет от уклонения от его призвания к общению со своим Творцом

и уподоблению ему в *благодати* Святого Духа – *дарении*, бескорыстном, ничем внешним не мотивированном *отдавании благи* духовной силы творческой славы.

Ключом к постижению живого, истинного значения слов русского языка, как выражения духовного ядра и специфики русской культуры, является пожелание человеку добра через употребление слова *благодарю* и синонимичного ему слова *спасибо*, что означает *спаси Бог*, т. е. пожелание Божьего спасения. Смысл этих слов выражает специфику и духовные основания русской культуры как культуры дара, культуры дарения.

В совести происходит встреча человека со своим Творцом. Совесть дает ему знание о воле Божией о человеке. Совестью человек чувствует и осознает *присутствие духа* творческой славы, который *дарован (благодать)*, *вложен, заложен (залог)* в его *сердце* Творцом. В совести происходит встреча личного Я человека, наделенного свободой выбора и способностью самоосознания, с образом Божиим в нем. Совестью человек различает добро и зло, признает достойное и недостойное, знает о них, совестью знает волю Бога о себе и признает соответствие устремлений своей воли воле своего Творца.

В совести сердцу человека дано знание о реальном единосущии и духовном единстве всех людей, сыновнем и братском равенстве их перед Богом. Онтологическое содержание смысла слова *совесть* как совместного знания (*со-знания*) выражает также и тот факт, что совестное знание и духовное, сердечное видение едины для всех людей. Закон и голос совести едины во всех людях: *весть, знание, посылаемое Богом, носит совместный, всеобщий характер*. По причине универсального характера совестного знания, единства закона совести для всех людей каждый человек может обращаться, взывать к совести другого человека, в надежде найти понимание и отклик, *со-страдание и братскую поддержку*.

Свет совестного знания и видения светит в душе каждого человека, освещая его поступки, намерения, мысли. Совестью, *сердечными очами* человек *видит, различает, судит* их как добрые и злые, достойные и недостойные, соответствующие образу

Божью в нем или уклоняющиеся от него. Совесть направляет волю человека к добру, *подсказывает* правильный выбор, *наставляет* на путь истинный. В этом случае *совесть* является *живой, чистой, спокойной, зрячей, доброй, свободной*, следующей к вольному, непринужденному добру богообщения (*добровольно*), различающей добро и зло. Слушая голос совести, и следуя ему, человек живет *в ладу со своей совестью, в ладу с собой самим*.

Когда человек утрачивает волю к добру, *благоволение*, нарушает волю Бога о себе, он перестает жить по совести, перестает исполнять ее закон. Отказываясь от блага общения со своим Творцом, человек перестает *слушать* и *слышать* голос совести, *заглушает* его, *забывает* о совести, идет на сделку с ней. Ему кажется, что совесть его *молчит*, становится *мертвой*. В начале совесть *обличает, мучает, терзает*, а потом *умолкает*, как принято сейчас говорить, *отмораживается*.

Но совесть не исчезает совсем, она может и *пробудиться, заговорить, направить на путь истины*. Потерять совесть означает *сбиться с пути*, на который можно вернуться, *стать на путь истины*.

Если же этого не происходит, человек *теряет совесть, сбивается с пути истины, умирает для своей совести, изменяет себе самому*. Перестав следовать голосу совести и утратив свободу бескорыстного благодарения, о которой он знает в своей совести, человек начинает рассуждать о том, что совесть у каждого своя.

В совести человека присутствует знание об образе и свободе силы славы – основы его богоподобного духовного совершенства, образ себя *самого, само-деятельного* – свободно (*добро-вольно*) действующего из своей духовной сущности, наполняемой Божественной благодатью, из своего сердечного совестного видения, *само-властного, само-державного, само-бытного* (вольного, свободного от какой – либо детерминации его воли стихиями тварного мира), сознающего самого себя и *само-обладающего* (покаянием и смирением приводящего свою душу в *лад, ладное состояние*) субъекта богообщения, общающимся со своим Творцом *самостоятельно* – один на один, лицом к лицу, из себя самого, а не из внешних побужде-

ний – мотивов выгоды, пользы, удовольствия, принуждения, страха.

Местоимение *сам* и производное от него существительное *самость* в русском языке означает один, единый, существующий и действующий самостоятельно, сам по себе, отрешенный, отделенный от других тварных форм бытия. Эта отрешенность может быть отделенностью от Бога. Тогда слово *самость* приобретает онтологический смысл гордости, эгоизма, самолюбия. Если же *самость* образуется отделенностью от всех стихий тварного мира при условии единства с Богом, причастия Его бытию, то в этом случае *быть собой самим* означает подобно *самобытному, самосуцему* Богу быть свободным, не зависеть от чего бы то ни было, принадлежащему миру тварному, земному, иметь самостоятельное, ничем не обусловленное и не сравнимое ни с чем бытие – *само-бытность*. Быть собой самим, самобытным – значит подобно Богу иметь жизнь и её источник не в стихиях внешнего, тварного мира, а в себе самом, в онтологических благодатных глубинах своего сущностного бытия, быть *само-достаточным, само-деятельным* – подобно Богу действовать не из каких-либо внешних причин тварного порядка, а из себя самого, из своей богоданной сущности, иметь жизнь в самом себе (см. Ин. 5, 26), а не в стихиях тварного мира.

Субъект языка, который реализует, осознает и осмысливает себя как себя *самого*, тем самым утверждает, что свобода, самодостаточность, самобытность – это его естественное состояние, то состояние которого он достоин, к которому призван по замыслу Божьему о нём и в котором живет, следуя воле Бога о человеке. Образ духовной свободы, образ себя самого как самобытного, самодеятельного субъекта *доброй, свободной воли*, субъекта безусловной, самоотверженной деятельности бескорыстного благодарения дан человеку в его совести. Из нее он узнает о своем призвании к свободе чистосердечного, искреннего, бескорыстного прославления своего Творца.

Онтологическое содержание смысла слова *совесть* формируется практическим опытом духовной жизни православного человека, духовным опытом молитвенного богообщения и богопознания, опытом его

духовного или сущностного самоосуществления и самопознания, опытом его богоподобной любви и свободы. Онтологическое осмысление совести и выражение идеи и интуиции совести в слове *совесть* возможно через практическое вживание человека в образ его богоподобного совершенства, который осознается совестью как закон и идеальная норма – образ духовного совершенства человека. Через деятельное следование этому закону, через осуществление совестного образа идеальной нормы человеческого “Я”, или образа себя самого, происходит приобщение человека к самобытной живой силе творческой славы, осознание ее совестью и осмысление разумом.

Образование онтологического смысла слова *совесть* в русском языке осуществляется на основе практического духовного опыта жизни по воле Бога, по закону совести. Следуя своей совести, человек становится самим собой, реализует, осуществляет и познает свое подлинное, определяемое Божественным Логосом сущностное “Я”. *Живя в ладу со своей совестью*, человек живет *в ладу с самим собой*, согласно образу Божию в своей совести. Сопоставляя свои реальные желания, волевые устремления, мысли, эмоции, поступки с образом идеальной нормы своего “я”, образом себя самого, человек может быть *честным перед своей совестью, честным с самим собой* или, наоборот, *идти на сделку со своей совестью, начать изменять самому себе*. Когда человек пренебрегает голосом совести, умирает для нее, он *предает, теряет самого себя, пребывает не в себе, выходит из себя, сходит с ума*.

Онтологический смысл слова *совесть* в русском языке имеет духовно-практическое происхождение, вытекает из единства слова и дела, ориентирует на единство знания и практического опыта. Слово осмысливается в данном контексте как Божественное Слово, закон, Божественный Логос. Дело – воплощение этого Слова в божественном творческом акте, в сознательном волевом усилии человека следования воле Божией, в жизни по заповедям Божиим, в духовном делании покаяния, молитвы, смирения, внимания и трезвения, в духовном практическом опыте богообщения, богопознания и самопознания, в опыте стяжания и хране-

ния благодати Святого Духа, в опыте исцеления души от греха и страстей.

Слова русского языка, выражающие духовный опыт русской культуры, прямо указывают на пути и способы возделывания русскими людьми своей души, на практический опыт духовного преобразования, самопознания и самоосуществления человека, способы актуализации ими сущностного ядра своей личности на основе духовного опыта православной веры. Духовно – практическое содержание онтологии русского языка формируется опытом духовного, умного молитвенного делания, опытом преобразования души человека – воли, чувства, разума в совестно-сердечном молитвенном созерцании, в опыте цельной жизни духа.

Из этого опыта духовного преобразования человека на пути богообщения, богопознания и богоуподобления становится понятным процесс образования онтологического содержания смысла слов русского языка, и тем самым, онтологических, сущностных оснований русской культуры, установление фактической живой связи слова с глубинами религиозного духовного опыта человека, с сущностным онтологическим ядром человеческой личности. Слова русского языка, этимология и онтологический смысл которых порождены осознанием и выражением духовной реальности благодатной живой силы творческой славы, являются выражением и проявлением духовного чувства, духовного самоощущения и духовного делания православного русского человека.

Усвоение онтологического смысла соответствующих слов русского языка является одновременно основанием осознания человеком, мыслящего и говорящего на этом языке, своего духовного сущностного бытия и условием его деятельного раскрытия в практическом опыте духовной культуры личности, в опыте искания Царства Божия и жизни в Нем. Вникая в духовно-практические истоки онтологического смысла слов, их выражающих, русский человек приобщается к духовному опыту жизни в Боге и с Богом, жизни во Христе. Тем самым он реализует свои духовные способности – способность самоопределения, способность самодеятельности и способность творческой ответственности, осуществляет свою волевою активность,

исходя из своей духовной сущности, определяемой Божественным Логосом. Онтология русского языка основана на единстве Слова (Божественного Логоса) и Дела (жизни по Божией воле) и выражает единство веры и сознательной духовной жизни, действующих любовью. Одухотворяясь животворящей силой православной веры, её полнотой, ясностью и радостью, русский язык выражает религиозный духовный опыт богопознания и жизни во Христе, открываемый Православием для русского народа.

Укорененность русского языка и концептов русской культуры в онтологических глубинах абсолютно сущего божественного бытия и неразрывная связь его с полнотой и свободой благодати Святого Духа сообщают смыслам слов и идейно-смысловому содержанию концептов их духоносность, делают их животворными и жизнехранящими. Они хранят и выражают полноту жизни Святой Троицы, передают энергию благодатной живой силы творческой славы. Усваивая свой язык, осмысливая глубинное онтологическое содержание его слов и мыслительных концептов, русский человек приобщается к тайне божественного бытия, осуществляет и познает самого себя живущим в свободе благодатной божественной славы и любви.

Глубинные, сущностно-онтологические основания и духовное содержание русской культуры максимально полно сконцентрированы и выражаются в трех ее базовых концептах: *православие, самодержавие, соборность*.

Образно-смысловое содержание концепта *православие* образовано опытом литургического прославления и евхаристического благодарения человеком своего Творца. Это содержание конституируется духовным опытом правой, истинной веры, идя по пути которой, человек обретает единение с Богом-Троицей, Богом-Любовью, Творцом всего живого и подателя живой силы творческой славы в бескорыстном прославлении человеком своего Творца и Промыслителя. “Слава Богу!” – так человек, говорящий и мыслящий на русском языке и, тем самым принадлежащий к русской культуре, осознает и выражает свою духовную жизнь – жизнь благодарного свободного мыслящего сердца. В Православии ясно, последо-

вательно и бескомпромиссно осуществлено следование человека закону свободы, который записан в его сердце. Говоря о законе писанном, апостол Павел указывал на то, что “...язычники (*народы – М.Ш.*), не имеющие закона, по природе законное делают, ... не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них записано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую” (Рим. 2, 14-15). Это дело закона – бескорыстное, самоотверженное прославление человеком своего Творца, дело стяжания благодати творческой славы, дело наследования вечной жизни. Этот закон записан в сердцах всех людей. Тех из них, кто славит своего Творца и Промыслителя, отвергает гордость и тщеславие как пропасть, разделяющую Бога и человека, как помеху в исполнении закона совести – бескорыстного, самоотверженного прославления Бога – в данном смысле можно считать православными. В широком смысле к православным людям можно отнести тех представителей вида *homo sapiens*, кто правильно, верно прославляет Творца мира и человека, добросовестно выполняет Его волю о человеке, кто является разумным в истинном смысле этого слова, т. е. мыслит добрым сердцем, или совестью.

Онтологическое содержание концепта *самодержавие* основано на способности человека действовать из самого себя и для самого себя как субъекта богообщения и вечной жизни. Быть самодержавным для духовно свободного человека означает подобно самобытному, самосущему Богу быть свободным, вольным, не зависеть от чего бы то ни было, принадлежащему миру тварному, земному, иметь самостоятельное, ничем не обусловленное бытие – *само-бытность*. Быть собой самим, самобытным – значит подобно Богу иметь жизнь и её источник не в стихиях внешнего, тварного мира, а в себе самом, – по благодати Божией в онтологических глубинах своего сущностного бытия, быть *само-достаточным, само-деятельным, само-властным* – подобно Богу действовать из себя самого, из своей сущности, иметь жизнь в самом себе (см.: Ин. 5, 26). Бытие самодельного, самодержавного, самобытного человека характеризуется духовной отделенностью его от всех стихий тварного мира при усло-

вии единства с Богом, причастия Его бытию. Только лишь при условии единения с Богом – Любовью человек по-настоящему может быть собой самим.

Человек, который осознает и осмысливает себя как себя самого, тем самым утверждает, что свобода (самодеятельность, самоопределение, самодержавие, самообладание, самодостаточность, самобытность) и творческая ответственность за свое духовное состояние и состояние окружающего его мира – это его естественное состояние, то состояние, которого он достоин, к которому призван и в котором живет. Образ духовной свободы, образ себя самого как самобытного, самодеятельного субъекта духовного самоопределения, субъекта доброй, свободной воли, субъекта безусловной деятельности бескорыстного самоотверженного *благодарения* дан человеку в его совести. Из нее он узнает о своем призвании к свободе чистосердечного, искреннего, бескорыстного, самоотверженного прославления своего Творца, к свободе от алчности, самолюбия, сомнения, тщеславия, страха.

Политический смысл самодержавия как не ограниченной никакими общественными институтами политической государственной власти утрачивает свою актуальность для духовной культуры современной России. Смысловое онтологическое содержание концепта *самодержавие* все больше в современной русской культуре означает способность и возможность человека быть субъектом духовной свободы и творческой ответственности: жить не по чужой, внешней, а по своей воле, являющейся действительно свободной, если она совпадает с волей Бога о человеке, согласуется с законом, который написан Творцом в сердцах людей – законом совести.

Духовно-онтологическим основанием концепта *соборность* является реальное сущностное единство всего человечества, духовное братство всех людей, как созданных Творцом по Его образу и подобию, приобщенных благодатной силе славы Божией и носящих в своей совести – образе своего Творца единый для всех людей закон. Все люди как Божии создания при всей их уникальности и неповторимости обладают единством духовной жизни, причастны единому для всех благодатному началу, что

делает их людьми разумными, представителями вида *homo sapiens*. Они наделены единым разумом, совестью, свободой самоопределения и самообладания, верой, любовью, творческой ответственностью. Соборность как реальное единство всего человечества, единство духовного бытия всех людей означает, что каждый человек, будучи уникальным, самобытным, самодеятельным, самодержавным субъектом свободы, в то же время неразрывно связан со своим Творцом и со всем человечеством, с различными социальными общностями людей, со своей страной, культурой своего народа. Эта связь с необходимостью предполагает ответственность личности не только за себя и своих ближних, но и за дальних, за жизнь тех людей, связь с которыми человек чувствует, осознает, осмысливает и осуществляет.

Метод этимологической реконструкции языковых единиц, основанный на анализе слова как выражении интуиции и опыта полноты радости духовной жизни Святой Троицы, примененный в рамках культурологического подхода к изучению роли Православия в становлении русской культуры, дает возможность установить определяющее значение духовного опыта православной веры для русской духовной культуры. Культурологическое исследование влияния духовного опыта богообщения и богопознания Православной Церкви на русский язык и онтологическое содержание концептов русской культуры показывает, что ценностно-смысловое поле русской культуры, которое выражает и конституирует русский язык, совпадает с ценностно-смысловым полем православной веры. Единство и совпадение ценностно-смыслового поля русской культуры с ценностно-смысловым полем православной веры, единство их духовного смыслопорождающего ядра позволяет говорить о православной культуре как способе организации духовной и социальной жизни людей, говорящих и мыслящих на русском языке и сознательно живущих совестью и благодатью славы Божией. Реалии культуры людей, не желающих быть рабами алчности и страха – орудий власти князя мира сего, основываются на Божественном Откровении, в свете которого человеческая жизнь осмысливается как бесценный дар Божий, а свобода человека, достоинс-

тво его личности как основа и содержание духовного совершенства и богоуподобления человека. Эта культура создается и обретается единственным путем – путем жизни по евангельским заповедям любви к Богу и ближнему, “удалившись от господствующего в мире растления похотью” (2 Пет. 1, 4).

5 (2). Православие и национальная идея России

Итак, мы видим что в становящемся культурном пространстве современной России набирает силу тенденция разрушения ясных и надежных духовных, нравственных и национальных ценностей и ориентиров, подмены онтологического ценностно-смыслового содержания русского языка и русской культуры прагматически заземленными и нравственно выхолощенными понятиями и установлениями либеральной идеологии бездарно-торгашеского гедонизма. Повсеместное и бесконтрольное вторжение в жизнь современного российского общества духовных деструкций, приводит к тяжелым социальным и духовно нравственным последствиям, угрожая не только достоинству человеческой личности, но и самому существованию русского народа и других народов России.

В сложившейся ситуации особую значимость приобретают личная сознательная православная вера русских людей и вероучительные идеи и принципы Православия, на основании которых тысячелетиями строилось ценностно-смысловое поле русской культуры.

Православная вера освещает светом Истины Христовой все проблемы, стоящие как перед каждой отдельной личностью, так и обществом в целом, в их нравственном и мировоззренческом самоопределении.

Это православное понимание и видение мира и человека, бесспорно, может и должно стать духовным, смыслообразующим ядром национальной идеи России – государс-

тва, граждане которого говорят на русском языке и вместе с ним усваивают основные ценности и смыслы концептов русской и православной культуры.

Русская культура, основанная на православном духовном опыте дара – опыте свободно-бескорыстного прославления человеком своего Творца и трезвого мышления разума, укоренённого в бесстрастном сердце, или здравого смысла, по праву, является основой и ядром культуры современной России – государства, объединяющего культуры народов с различными религиозными исповеданиями Бога Живого, Который желает каждому верующему в Него освободиться от рабства греху и тлению и прийти в разум истины.

Сейчас, когда распался СССР, народы, входившие в него, создают свою национальную государственность, осознают корни своих национальных культур, возрождают и развивают национальную культуру и национальные языки. России нужен живой язык межнационального общения, а не язык вненационального управления и манипулирования обезличенной и обесславленной человеческой массой. По своей духовно-онтологической, соборной сущности таким языком, бесспорно, является живой русский язык.

Русский язык и духовные ценности русской культуры – православные ценности: живая совесть, благодать славы и любви Божией, разум, здравый смысл, любовь к Богу и ближнему, равенство всех людей перед Богом, свобода славы Божией, милосердие, сострадание, справедливость, солидарность, уважение к личности как носителнице образа Божия и залога вечной жизни, дарованной человеку Творцом, становятся той духовной основой и опорой, на которой возрождается русская культура – культура русского народа и строится культура обновляющейся самостоятельной, самобытной, самодержавной многонациональной России.